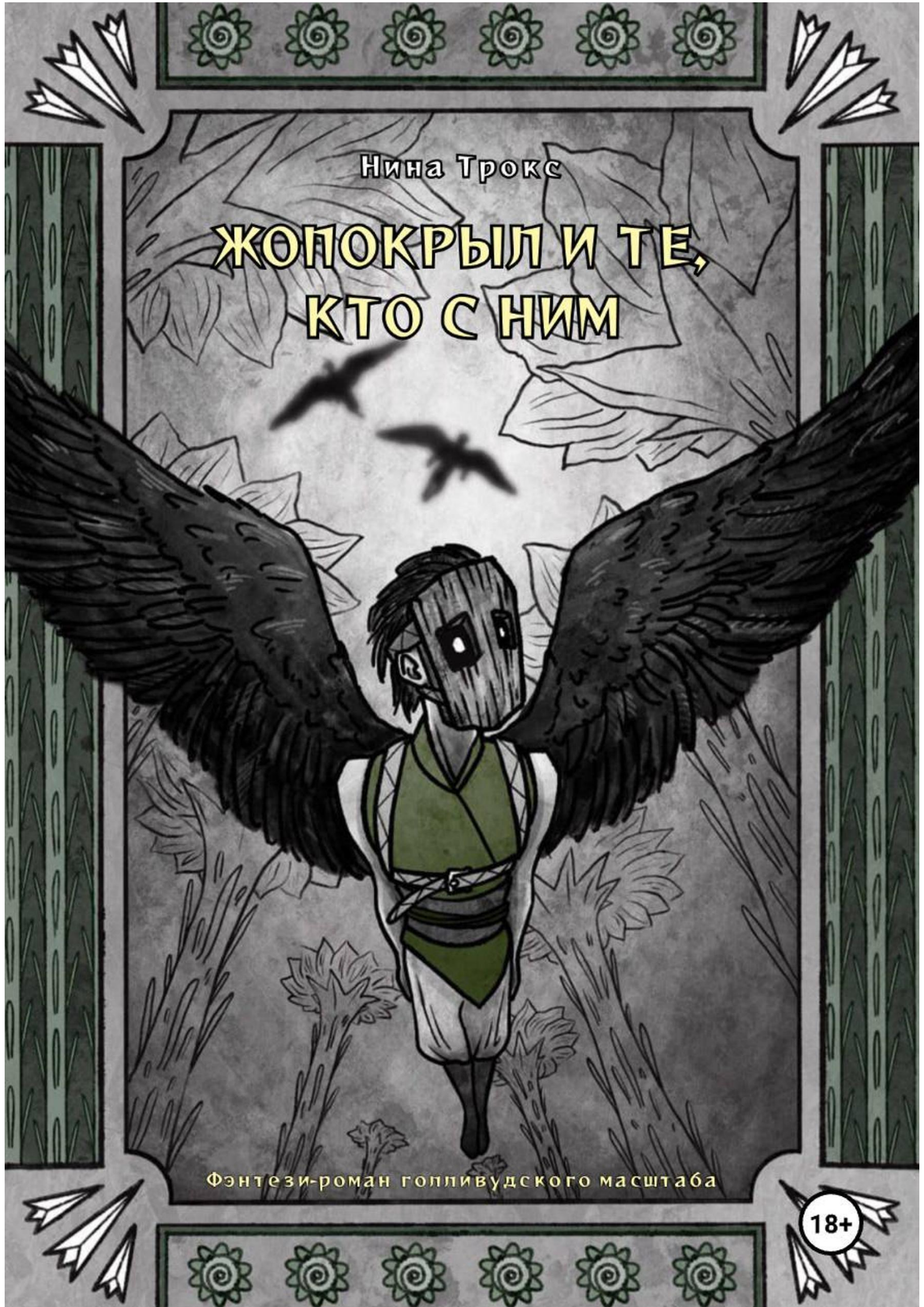

Нина Трокс

ЖОПОКРЫЛ И ТЕ, КТО С НИМ

Фэнтези-роман голливудского масштаба

18+

Нина Трокс

Жопокрыл и те, кто с ним

«Автор»

2026

Трокс Н.

Жопокрыл и те, кто с ним / Н. Трокс — «Автор», 2026

Фэнтези-роман о противодействии двух народностей тупи и умни. Главный герой Жопокрыл проживает любовную драму и летит на дойку виноромов, чтобы забыться и добыть веселящий сих. С этого момента начинаются увлекательные приключения главного героя.

© Трокс Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Нина Трокс

Жопокрыл и те, кто с ним

Глава

Нина Трокс
ЖОПОКРЫЛ И ТЕ, КТО С НИМ

(фэнтези-роман голливудского масштаба)

1. Дойка

Жопокрыл перелетал от одного винорома¹ к другому. Он не любил воровать. Вернее, любил, но только с друзьями. Тогда весело и прикольно. Но сегодня сознательно полетел один: нужно было поймать адреналин, чтобы забыться.

Хоботок доительного аппарата быстро опускался в углубление цветка, где собирался пьянящий сих², и высасывал всё без остатка. Жопокрыл не боялся охранников, потому что полетел на самый дальний участок, но всё же опасность получить парализующий дротик себе в ж... неважно куда оставалась. Так что действовал он быстро и чётко. Опустошив очередной цветок, опускался ниже, в зелёные стебли, выжидал, осматривался некоторое время, а затем снова поднимался над уровнем виноромового поля, выбирал цветок побольше и летел к нему. Баллон за его спиной стал заметно тяжелее. Жопокрыл решил, что ещё цветка два — и можно убираться отсюда. Закончив с очередным цветком, он увидел огромную шляпку винорома чуть дальше и левее. «Вот этот будет последний, отличное завершение дойки!» — подумал Жопокрыл и направился к этому красавцу, но неожиданно пролетевший дротик в паре сантиметров от носа сменил азарт охотника на панику жертвы.

Жопокрыл резко спикировал вниз и вправо. И сразу же услышал ненавистные окрики охранников сзади. По нарастающему звуку их крыльев определил, что они прятались где-то под шляпками цветков слева и давно, видимо, за ним наблюдали, раз успели подготовить засаду. Но сейчас главное было не это, главное было — свалить, не рухнув парализованным на землю. Любой на месте Жопокрыла сбросил бы балласт краденного сиха, но самый отчаянный из тупи³ решил не делать этого. Будь что будет, всё равно жизнь теперь не имеет смысла, и ветер предков, может быть, очень скоро завоюет над его погребальным костром. Все эти мысли мгновенно пронеслись в голове Жопокрыла, в то время как сам он петлял и вилял на бешеной скорости между стеблями виноромовых цветков.

Преследователи не отставали. Их было двое, достаточно молодые и крепкие. Дротики стали пролетать чаще, и, хотя пока ни один его не задел, Жопокрыл знал, что это ненадолго. Нужно было действовать, и действовать немедленно. Он резко развернулся на сто восемьдесят градусов и на предельной скорости рванул навстречу охранникам, те летели на него, готовясь выпустить очередную порцию дротиков. Жопокрыл выбрал правого преследователя — он был ближе, и его знаменитый хук слева врезался в челюсть бедняги, который, несколько раз перекувырнувшись в воздухе, ударился о стебель и полетел вниз. Его товарищ, растерявшись, остановился и стал смотреть туда, куда падал его напарник. Тем временем Жопокрыл всё

¹ Винором — цветок, в котором собирается сих.

² Сих — алкогольный сок цветка винорома.

³ Тупи — народность, к которой принадлежит Жопокрыл.

дальше и дальше уносился от этого места. Через некоторое время он совсем выбился из сил и спустился на землю перевести дух. Спрятавшись под большим листом раскилока⁴, Жопокрыл стал прислушиваться, нет ли погони. Но всё было тихо, и он слышал лишь своё сбивчивое дыхание. «Вот это дойка! — подумал Жопокрыл. — Я, наверное, спятил, если попёрся туда один. Хорошо, что маска не слетела, а то висеть мне пятками вверх».

Только теперь он осознал всю опасность своей затеи. Помимо ядовитых дротиков, была вероятность, что его узнают, и наказание будет жестоким, но маска выдержала, и Жопокрыл остался инкогнито.

Ещё чувствуя кисловатый привкус во рту, он поднялся на несколько метров ввысь, осмотрелся и уже медленней, огибая стебли и кустарники, полетел в направлении деревни.

Деревня Тупилог стояла на большой поляне, окружённой вековыми лесами. Восточную часть леса, со стороны которой сейчас летел Жопокрыл, несколько десятилетий расчищали, чтобы там выращивать виноromы, разные виды овощей и фруктов. Западная часть была отдана воинам для расположения их складов, тренировочных сооружений и изготовления оружия. На юге протекала глубоководная река Муротка, а на севере расположились все мастерские, склады деревни, молотильня и пекарня. В центре же находился дом главного правителя — Дом очищения⁵, и уже от него в разные стороны располагались дома простых тупи.

Вылетев с виноromового поля, Жопокрыл повернул влево, к реке, — там располагалось тайное место, о котором знали лишь трое: Жопокрыл и два его друга — Хвостолоб и Боконос. Несколько огромных вековых словобогов⁶ стояли на противоположном от деревни берегу, в одном из них друзья и устроили укрытие. В кроне дерева, скрытый густой листвой, был построен небольшой шалаш, в котором они хранили краденный сих, сушёные овощи и фрукты, чтобы было чем закусить, кое-какое оружие и тёплые одеяла — на случай, если оставались здесь ночевать.

Жопокрыл вошёл в шалаш и, сняв со спины тяжёлый баллон с сихом, поставил его в дальний угол, где уже стояли несколько пустых баллонов. Только теперь он смог расслабиться. Снял маску, кинул её на стол и сел на небольшой бочонок, служивший стулом, рядом со столом. Тело всё ещё дрожало от перенапряжения. Посидев немного, он встал, подошёл к баллону, нацедил немного сиха в кружку и залпом выпил. Сладко-кислый нектар немного обжёг горло, спустился ниже и заполнил теплом живот. Вместе с теплом пришла усталость, он почувствовал слабость в ногах и во всём теле. «Да, нужно отдохнуть», — подумал Жопокрыл и подошёл к лежанке, стоявшей справа от стола. Он сел на неё, всё ещё держа кружку в руке; встать не было сил, и, поставив кружку на пол, Жопокрыл, откинувшись назад, лёг. Он стал прокручивать в голове сегодняшнее утро, охранников, погоню, думал, что мог не вернуться с дойки, что всё это из-за неё. Что его жизнь — это тонкая тунирока⁷, которая может оборваться в любое мгновение. И, твёрдо решив, что больше никогда не полетит один на дойку, Жопокрыл закрыл глаза и медленно стал погружаться в сон.

2. Друзья

С радостным хохотом, толкая друг друга, в шалаш ввалились Боконос и Хвостолоб. От неожиданности Жопокрыл вздрогнул и вскочил с лежанки. Друзья всё ещё препирались и толкались, когда заметили Жопокрыла.

⁴ Раскилок — растение с большими веерообразными листьями.

⁵ Дом очищения — дом, в котором проводятся суды очищения (разбирательства по преступлениям).

⁶ Словобоги — большие деревья с мощной кроной и резными листьями.

⁷ Тунирока — тонкая нить из дерева тунирок. С помощью этих нитей тупи делают ткани, предварительно окрашивая нити в разные цвета.

— О, Жок, привет! Ты здесь, а мы к тебе на склад залетали. Старый Ухорук в бешенстве, говорит, что ты утром появился, а потом свалил. Сказал, что выгонит тебя к белому Ерохору⁸, — с ухмылкой сказал Хвостолоб.

Боконос закивал в подтверждение слов друга.

— А ты чего тут? — чуть медленней, чувствуя что-то неладное, произнёс Хвостолоб.

— Сплю, — буркнул окончательно проснувшийся Жопокрыл.

Хвостолоб и Боконос переглянулись. Они прежде никогда не видели своего друга таким потерянным. Он полусидел на лежанке, свесив ноги на пол, штанина на правой ноге задралась, и были видны свежие, ярко-розовые царапины. Боконос легонько толкнул друга локтем в бок. Хвостолоб повернулся и увидел, как Боконос кивнул в сторону угла, где стояли баллоны. Хвостолоб увидел полный баллон сиха, маску на столе и сразу всё понял. Его глаза округлились, и он уставился на Жопокрыла. Несколько секунд они молчали, а затем ошарашенный Хвостолоб почти прокричал:

— Ты что, один на дойку летал? Ты с ума сошёл?

— Один? — повторил Боконос и нервно стал переминаться с ноги на ногу.

— Да, летал, — спокойно ответил Жопокрыл. — Слушайте, ребята, не надо тут нервных припадков. Давайте лучше выпьем.

Жопокрыл нехотя поднялся с лежанки, всё тело гудело. От недавнего перенапряжения каждая мышца ныла, и, сделав несколько шагов к столу, он почувствовал, что даже крылья налились свинцом. Медленно опустившись на стул, страдалец ожидающе посмотрел на друзей. Те, наблюдая за его передвижениями, выглядели растерянными. Но прошло несколько секунд, и вот уже Боконос подвигает два бочонка-стула к столу, выставляет кружки, кладёт немного сушёных фруктов и овощей. А Хвостолоб, нацедив сиха в кувшин, несёт его к столу.

Друзья сели, разлили сих и молча, не чокаясь, выпили. Затем так же молча взяли по кусочку краялони⁹ и захрустели, поглядывая друг на друга.

Первым не выдержал Хвостолоб:

— Жок, ну, хватит уже. Какого Ерохора ты полетел один? Что, не мог нам сказать, если так невтерпёж? Мы же на следующей неделе все вместе собирались.

— Так вышло, — тихо ответил Жопокрыл.

Видя, что разговор не идёт, Боконос разлил ещё по одной. Выпили.

Всегда крайне неразговорчивый Боконос положил руку другу на плечо и вкрадчиво сказал:

— Ты рассказывай, а? Нужно выговориться, а то не отпустит.

Жопокрыл вздохнул, набрался решимости и заговорил:

— Бон, Хвол, ребята, в общем, я... я... Мне нужно было забыться. Я... я Сисипятку увидел, там... в общем, с Глазопупом.

— Что? — хором возмущённо произнесли Хвостолоб и Боконос.

Жопокрыл продолжил:

— Я вчера полетел в пекарню взять лепёшек с морникой¹⁰. Там была Пальцемочка на выдаче...

В этот момент Боконос вздохнул и опустил глаза. Жопокрыл и Хвостолоб понимающе посмотрели на погрустневшего друга.

⁸ Выражения «послать к белому Ерохору» или «выгнать к белому Ерохору» означают ругательство, схожее по значению с «послать к чёрту» или «выгнать к чёртовой бабушке».

⁹ Краялони — овощ, выращиваемый тупи, нечто среднее между тыквой и помидором. В сушёном виде — любимое лакомство тупи.

¹⁰ Морника — ягода, по вкусу напоминающая вишню, но без косточек и более сладкая.

— Так вот, мы с ней немного поболтали. Она мне дала четыре лепёшки и слёзно попросила ещё одну закинуть её дяде — Стопоглазу. Мне хоть и не хотелось лететь на край деревни, но что поделать, ради тебя, Боконос, я готов даже на это.

Боконос вздохнул ещё глубже.

— Я отправился к Стопоглазу и, задумавшись, пролетел мимо его дома. Чуть не врезался в большой словобог. Пришлось сесть на ветку. Ну, думаю, раз пролетел, слетаю на поле, фресок¹¹ наберу. Пролетел несколько метров и вижу: впереди кто-то маячит в листве. Я притормозил, спрятался за стволом ближайшего словобоба. Двое летели в мою сторону и о чём-то разговаривали. Я прислушался, и голоса показались мне знакомыми. А когда они пролетели чуть правее от меня, то я уже не сомневался, что это Сисипятка и Глазопуп. Я полетел за ними, прячась за ветками и листвой. Они говорили о том, что нужно что-то делать, что отец Сисипятки, хромой Кистирот, никогда на это не согласится, что вся деревня будет смеяться. До меня долетали лишь обрывки фраз, и я не совсем понял, о чём они. Но потом... — Жопокрыл замолчал. Налил себе ещё сиха и выпил одним глотком. — Потом они опустились на землю и... Они тёрлись носами так... так... Она со мной так... никогда... — Жопокрыл запнулся и замолчал.

Друзья сидели молча, опустив головы.

— Не помню, как прилетел к Стопоглазу, как потом домой долетел, — продолжил он, — всё размыто. Мне казалось, что из меня всё вытряхнули и теперь внутри пустота. А с утра я решил, что на дойку полечу, и будь что будет.

— Ну и что теперь, что собираешься делать? — спросил Хвостолоб.

— Не знаю. Ночью хотел обоих найти и убить. А сейчас не знаю. На дойке за мной два охранника гнались, я подумал: «Ну вот здесь всё и кончится. Больше ничего и не нужно». Но ушёл от них. А теперь даже не знаю, что делать.

— Сожри её! — вдруг резко и зло сказал Хвостолоб. Он вскочил и стал ходить по комнате.

Жопокрыл и Боколоб устали на него.

— Свари и съешь. Ты имеешь на это право. Ты подарил ей жёлтую туру¹², она приняла. Если бы она не была согласна, отказала бы тебе. А то приняла, а теперь изменяет. Говорю тебе: съешь её, она это заслужила.

Одним из самых страшных наказаний для тупи было его «съесть». Тупи рождались в прозрачном коконе. Этот кокон аккуратно снимали с новорождённого и засушивали особым образом — так, что в итоге он становился похожим на прозрачный шарик величиной с кулак. Этот кокон, называемый друмом¹³, для тупи был самой ценной реликвией. Это символ защиты и души любого тупи. И если тупи совершал преступление, будь то измена, предательство своего народа, неумышленное или умышленное убийство, то его «съедали». С самого утра в священном месте разжигали костёр, на который ставили «чашу забвения» с родниковой водой и опускали туда друм преступника. Друм варился до вечера и после специального обряда съедался тем, кому был причинён вред, или его родственником. После этого тупи, друм которого съели, считался бездушным. Он становился изгоем и чаще всего уходил из деревни. А тот, кто оставался, не имел никаких прав, жил обособлено на краю деревни.

— Нет, Хвол, я хочу, чтобы она всегда помнила обо мне. Помнила о своём предательстве. Чтобы каждое утро, вставая, думала о том, что сделала, — с решимостью ответил Жопокрыл.

— Ты уже что-то придумал? — включился в разговор Боконос.

— Да, идея есть, — прищуря правый глаз, ответил Жопокрыл.

¹¹ Фреска — зелёный фрукт овальной формы, по вкусу напоминающий манго.

¹² Жёлтая тура — полуметровая дудочка из дерева, покрашенная в жёлтый цвет, символизирующая помолвку.

¹³ Друм — кокон, символизирующий душу тупи.

— Мы можем помочь, если чего надо, — с готовностью сказал Хвостолоб.

— Не, я сам.

— Сам? — возмутился Хвостолоб. — Ты сам на дойку слетал — чуть к предкам не отправился, теперь опять сам?

— Нет, правда, ребята. Я больше не буду делать глупостей. Просто это дело личное, и я лично с этим должен разобраться.

— Жок, послушай, мы твои друзья, — не унимался Хвостолоб, — мы с первого полёта вместе. Сколько всего было, и мы все вместе это переживали. Я понимаю, что тебе сейчас плохо. Но мы можем тебе помочь...

— Хвол! — перебил его Жопокрыл. — Я знаю, что вы за меня переживаете и, если что, я всегда могу на вас положиться. И если мне понадобится помощь, то я попрошу вас. Но это я должен сам сделать.

Хвостолоб вздохнул и развёл руками. Всё было сказано.

За круглым окном стемнело. Птицы щебетали вечерние песни. Листва шумела под напором тёплого южного ветра. Нужно было возвращаться домой. Друзья договорились, что завтра в то же время встретятся в шалаше, и, обнявшись на прощанье, разлетелись по домам.

3. Крамони

В детстве, ещё учась в младшей школе, Жопокрыл прочитал древнюю легенду о боге Туписобе¹⁴, наказавшем свою неверную наложницу при помощи крамони¹⁵, навсегда лишив её способности летать. Тогда ему казалось жестоким лишить кого-то полёта, но сейчас, каждый раз вспоминая, как страстно Сисипятка и Глазопуп тёрлись носами, он решил, что даже этого будет мало.

Утро выдалось пасмурным. И густые серые облака, и усиливающийся ветер, и наэлектризованный воздух — всё говорило о приближающейся грозе.

Жопокрыл не спал всю ночь и вылетел из дома задолго до того, как все проснулись. Он полетел на границу с умни¹⁶, предполагая, что именно там сможет найти крамоны и взять из них сок. Крамоны были достаточно редкими и росли только там, где земля имела рыхлую структуру и постоянно была увлажнена. Как раз на границе был такой участок — у небольшого озера. Старый Стопоглаз как-то в разговоре упоминал, что несколько лет назад летал туда и собирал крамони для Праздника трёх лун¹⁷.

Жопокрыл летел уже несколько часов, с редкими остановками, чтобы передохнуть, а до границы было ещё далеко. Ветер усиливался, и лететь становилось всё сложнее, но Жопокрыл знал свою цель и не привык бросать то, что начал.

Он обдумывал план наказания Сисипятки. «По законам тупи Глазопупа трогать нельзя: он никому не дарил жёлтую туру и был свободен, значит, вся ответственность на ней. Да и потом, этот щуплый, несуразный нытик, тронь его — и ненароком убьёшь. Но хвост ему всё равно сломать надо, чтобы помнил. А вот с ней? Приглашу, как обычно, на нашу поляну, и пусть признаётся. А потом, как признается, будет помнить об этом всю жизнь. Может, ещё...»

Его мысли прервал грубый бас за спиной:

— А ну, стой! Куда летишь?

¹⁴ Туписоб — бог, которому поклоняются тупи.

¹⁵ Крамони — липкая смола дерева крамон.

¹⁶ Умни — соседняя народность, граничащая с тупи.

¹⁷ Праздник трёх лун — праздник восхода трёх лун. Раз в три года три полные луны выходят на небосвод, что олицетворяет триединение — Света, Воздуха и Духа предков. Обычно на небосводе одна или две луны.

Жопокрыл повернулся. Перед ним, бесшумно помахивая крыльями, парил воин с клинокнутом¹⁸, направленным на него. Воин был гораздо старше Жопокрыла, широк в плечах и с большим шрамом на лбу, который начинался от линии роста волос и тянулся багряной полосой до переносицы.

— Я за крамони, — быстро сказал Жопокрыл.

— Что? — не понял воин.

Жопокрыл собрался и более чётко произнёс:

— Добрый день. Я Жопокрыл. Лечу из деревни, мне нужно крамони собрать для... — он замялся, судорожно соображая, что бы сказать, — для почтенного Горлолоба.

— Зачем? — недоверчиво спросил воин.

— Зачем? — переспросил Жопокрыл. — А кто его знает — зачем? Просто послал, и всё, сказал, что нужно. Может быть, для лечения какого или заговора, мне откуда знать. У почтеннейших такие вещи не спрашивают, — затараторил Жопокрыл. — Я, может, вообще не хотел лететь Ерохор знает куда, а мне лети...

Его перебил воин:

— Ну, хватит болтать. Ты сын Рукохвоста? — строго спросил он и, прислонив клинокнут к животу, быстрым движением заставил его опоясать свою талию.

— Да, — кивнул Жопокрыл.

— Ладно, — вздохнув, произнёс воин, — лети на север, увидишь сухой красный словобог — от него налево, долетишь до озера — на другой стороне будут стоять два крамона. Да смотри осторожней, это уже не наша территория — могут умни подстрелить. Понял?

Жопокрыл кивнул.

— Спасибо! Ну, я полетел! — И он развернулся, чтобы лететь дальше.

— Стой! — окрикнул его воин.

Жопокрыл остановился, паря в воздухе.

— Как отец? — спросил воин.

— Хорошо!

— Всё так же железо куёт?

— Да, — ответил Жопокрыл, удивившись.

— Передавай хорошего полёта ему от Плечеглаза.

— Хорошо, передам, — пообещал Жопокрыл.

Воин кивнул и, развернувшись, полетел к густой листве деревьев, стоящих немного поодаль и правее. «Там, наверное, располагается его пост», — подумал Жопокрыл, а сам полетел на север, как сказал ему Плечеглаз.

Через некоторое время он увидел красный словобог — границу территории тупи — и свернул налево. Как ни странно, здесь почти не было ветра, небо было светлым. Вскоре Жопокрыл увидел озеро. Его прозрачная поверхность отражала облака, и, пролетая над ним, Жопокрылу казалось, что он летит высоко в небе между облаками. Он даже приостановился, чтобы полюбоваться этим зрелищем. Первый раз за эти безумные дни он почувствовал покой и безмятежность.

Чтобы достать крамони, нужно найти молодую ветку, обрубить её у основания, что Жопокрыл и сделал маленьким топориком, который взял с собой. А затем, постукивая по стволу, надо найти внутреннюю нишу, где скапливается крамони. Как только это место найдено, нужно несколько раз постучать по нему — сок сам начинает течь из места сруба, и можно его собрать.

После того как Жопокрыл отрубил ветку, он снял с пояса висевший кувшинчик и поставил его под место сруба, закрепив на стволе верёвкой. Затем принялся простукивать.

¹⁸ Клинокнут — боевое оружие. Состоит из связанных между собой частей, похожих на позвонки. Обматывается вокруг талии воина. В боевом состоянии распрямляется и становится прочным, как клинок.

Его терпение подходило к концу. Уже больше получаса он простукивал ствол, но не мог найти нишу. В книгах было написано, что при ударе в месте, где под корой расположена ниша с крамони, должна образоваться вмятина. И, постукивая по этой вмятине, можно почувствовать отдачу, как будто бьёшь по пружине. Он уже два раза простучал ствол от макушки до основания, потом стал стучать по кругу, но всё было тщетно. Устав и окончательно разуверившись, что сможет найти нишу, Жопокрыл сел на удобную верхнюю ветку, чтобы лучше видеть гладь воды. Решил, что немного отдохнёт и переберётся на соседний крамон, может, там ему повезёт.

Жопокрыл смотрел на водные блики и вспоминал, как в детстве они с отцом летали к Муторке ловить рыбу. Как, сидя на берегу, отец рассказывал легенды и сказания рода, как они смеялись, когда Жопокрыл оступился и упал в воду, как всё было просто тогда. Задумавшись, он не заметил, что чуть поодаль вынырнули из леса две фигуры. Они приземлились на берег и стали снимать одежду. Раздевшись донага, с радостными криками вбежали в воду и начали плескаться и обрызгивать друг друга.

Неожиданные крики застали Жопокрыла врасплох, он дёрнулся и слетел с ветки. Пару секунд понадобилось, чтобы крылья восстановили равновесие, и он жёстко приземлился на ветку, в паре метров ниже предыдущей, при этом больно ударившись локтем. Потирая локоть, Жопокрыл заметил углубление в стволе. «Да неужели?» — подумал он и, не веря своей удачи, постучал по вмятине несколько раз, чувствуя, как кулак отскакивается от неё, как от пружины. Но радость сменилась любопытством. Сделав топориком зарубку над этим местом, Жопокрыл медленно и тихо, прячась за деревьями, полетел к двум плескавшимся незнакомцам.

По мере приближения всё стало проясняться. Две юные умни, заходясь звонким смехом, ныряли, прыгали, били ладонями по воде, создавая фонтаны брызг. Они были так увлечены, что, конечно, не заметили чужака, стоявшего на берегу рядом с их одеждой. Жопокрыл, увидев, что это девушки и безоружные, с удовольствием наблюдал за их водной игрой, уже не прячась. Обе были чудесны. Тонкие талии, округлые груди, длинные волосы, у одной — тёмно-коричневые, у другой — с рыжиной, нежно-розовые хвостики. Любой бы возбудился. Жопокрыл ощутил приятную ноющую боль внизу живота. Ещё немного, и возбуждение стало бы явно видным, но вдруг одна из умни его заметила. Она вскрикнула и присела, погрузившись в воду до шеи. Другая непонимающе посмотрела на неё и резко повернулась в ту сторону, куда был обращён взгляд подруги. Нисколько не смущаясь и не отрывая глаз от чужака, девушка пошла к берегу. Жопокрыл напрягся.

— Какого Ерохора ты тут делаешь, тупи? — не дойдя до него метров десять, крикнула умни.

— А ты что, граничный воин? — ответил вопросом на вопрос Жопокрыл.

— Может, всё же отвернёшься? — выйдя на берег, сказала раздражённо девушка.

— Не, мне и так хорошо! — ответил он, улыбнувшись.

Умни наклонилась за одеждой, но схватила горсть песка и бросила в глаза Жопокрылу. Он инстинктивно стал тереть глаза руками, отлетев при этом на несколько метров назад. Глаза горели, как будто сотни иголок одновременно втыкались в нежную оболочку. Жопокрыл крутился на месте, выгибался змеей и, как только слёзы вернули способность видеть, полетел к воде и стал быстро промывать щипавшие глаза.

Тем временем обидчица быстро оделась и побежала к ближайшим деревьям (крылья ещё не обсохли для полёта), надеясь найти какую-нибудь палку. Её подруга тоже выбралась на берег и одевалась.

Жопокрыл промыл глаза и оказался перед наполовину одетой скромницей.

— Что, Рыжая, сбежала твоя подружка? — ехидно сказал Жопокрыл. Он был зол на себя за то, что не предвидел такой ситуации, на темноволосую нахалку, на мокрые теперь сапоги, на слезящиеся глаза, на Сисипятку, на весь мир.

Девушка замерла и только часто заморгала, смотря на перекосившееся лицо чужака.

— Эй, не трогай её! — слышалось за спиной.

Темноволосая быстро шагала к ним, держа в руке большой камень.

«Отчаянная девчонка», — подумал Жопокрыл и взлетел вверх, рассчитав расстояние так, что она не смогла бы докинуть камень.

— Ладно, хватит военных действий. Я не хотел ничего плохого, — примирительно сказал он.

— Неужели? — отозвалась обидчица, смотря на него снизу. Бросив бесполезный камень на песок, взяла подругу за плечи и встряхнула так, что та икнула. — А ты одевайся быстрее, чего застыла? — приказала она.

Рыжая судорожно стала одеваться, путаясь в рукавах и шнуровках, не удержала равновесие и плюхнулась на песок. Жопокрыл рассмеялся.

— Может, познакомимся? — улыбаясь, произнёс он, приземлившись недалеко от умни.

— Летел бы ты отсюда! — ответила темноволосая, помогая подруге.

— Да перестань. Судя по тому, что я уже видел, самое время, — продолжал повеселевший Жопокрыл.

— Послушай, тупи! Все знают — вы наглый и глупый народ, что ты и подтверждаешь. Но если ты сейчас же не уберёшься, заору так, что хвост отвалится. И через мгновение здесь будут наши граничные воины.

— Ты язычок попридержала бы, а то я действительно могу сделать глупость, — сквозь зубы произнёс Жопокрыл.

Рыжеволосая дёрнула подругу за руку, кивая на топорик, висевший на поясе чужака. Но это ничуть не смутило девушку, и она лишь ещё выше подняла голову.

— Так ты отпустишь нас или нет? — вдруг сказала гордячка.

— А кто вас держит? — удивлённо спросил Жопокрыл. — Видно, от большого ума всем умни чудится, что на них все вечно покушаются.

Он пристально посмотрел в глаза темноволосой и, резко развернувшись, быстро полетел к крамонам. «Понадобится ещё некоторое время, чтобы крылья обсохли и они смогли летать, — рассуждал Жопокрыл, — затем время, чтобы найти воинов, потом те пока будет лететь. В общем, времени должно хватить, чтобы набрать крамону и смыться отсюда».

Он быстро нашёл свою зарубку, а динамичные удары сделали своё дело; кувшинчик был полон, и неприятеля видно не было. Плотнo закрыв кувшинчик, Жопокрыл повесил его рядом с топориком и, взглянув ещё раз на опустевший берег, полетел домой.

На обратном пути встреч не было. Но, пролетев большую часть пути, к Жопокрылу пристала стая маленьких пташек, которые, звонко треща и делая в воздухе невероятные кульбиты, сопровождали его почти до деревни.

После дождя всё дышало свежестью и чистотой. Листва одаривала яркостью, птицы радостно плескались в неглубоких лужицах, дети с задорными криками бегали по мокрой земле босиком, подпрыгивали, пролетали несколько метров, а потом плюхались в лужи, обрызгивая друг друга грязными каплями.

Жопокрыл пролетал над деревней и думал о том, что ему ещё предстоит сделать.

4. Месть

Солнце клонилось к горизонту. Жопокрыл ждал. Сисипятка никогда не опаздывала, и в первый раз за всё время их встреч он жалел об этом. С одной стороны, ему хотелось наказать изменщицу, а с другой — чтобы она не прилетала или чтобы что-то произошло, и тогда он смог бы не делать задуманное.

Сисипятка появилась, как обычно, со стороны деревни и тихо приземлилась около мрачного Жопокрыла. Он смотрел на неё и не мог понять, что же к ней чувствует. Не ненависть, не

злость, не желание убить, как это было раньше, — ему было почему-то её жалко. Но жалость не могла повлиять на унижение, которое испытал Жопокрыл. И, собравшись с мыслями, он начал.

— Я не буду летать вокруг да около, сразу тебе скажу. Я видел вас с Глазопупом на прошлой неделе. Видел ВСЁ! — Он сделал паузу и продолжил, не глядя на Сисипятку: — Я не принуждал тебя брать жёлтую туру, не относился к тебе плохо, а ты меня предала. — Его голос становился всё ниже.

От услышанного всё внутри у Сисипятки похолодело, и, ошарашенная, она только и смогла произнести, запинаясь:

— Но я... я... ты не знаешь...

— И знать не хочу! — закричал Жопокрыл. Ярость нарастала. — Я верил тебе. Я выбрал тебя. Не обманывал. Родителей заставил принять мой выбор, а ты... Ты подлая неку¹⁹, которая жалит исподтишка.

— Жопокрыл, прошу тебя, я хотела тебе сама всё объяснить... Послушай, я... мы с Глазопупом...

— Замолчи! — кричал Жопокрыл. — Вы сполна получите вместе с Глазопупом.

— Только его не трогай, — с дрожью в голосе произнесла испуганная Сисипятка.

— Что? Ты его ещё защищаешь? — Жопокрыла трясло от злости.

Он схватил дрожащую девушку за запястья, рванул на себя, а потом с силой отшвырнул так, что та упала на землю. Затем из ближайших кустов достал кувшинчик с крамони и вылил на крылья рыдающей Сисипятки.

Сначала она не поняла, что произошло. Что-то прохладное и тягучее попало на крылья. Встав на колени, она попыталась распрямить их, чтобы стряхнуть непонятную жидкость, но у неё ничего не получалось. Вскочив на ноги, Сисипятка всё с большими усилиями старалась распрямить непослушные крылья, но невероятная сила удерживала их, она не могла даже сделать взмах. После нескольких минут борьбы она сдалась и с ужасом посмотрела на Жопокрыла.

Потрясённый Жопокрыл всё это время стоял поодаль и, смотря, как мучается Сисипятка, не мог поверить, что сделал это.

— Что ты сделал?! — закричала девушка. — Что ты сделал с моими крыльями?

Жопокрыл растерянно смотрел на неё, но отступать было некуда.

— Это твоя расплата за предательство, — только и смог сказать Жопокрыл.

Солнце полностью спряталось за горизонт, забирая последние розовые лучи с собой. Улетая, он слышал рыдания бедной девушки, которая больше никогда не сможет летать.

5. Суд

Это была самая жуткая ночь. Жопокрыл не мог уснуть, а в моменты дремоты ему снилась Сисипятка, лежащая на земле и корчащаяся от боли, вся в крови, с отрубленными крыльями. Вздрагивая, он просыпался, вставал, ходил по комнате и думал, правильно ли поступил. Отомстить было нужно, но не слишком уж жестокое наказание выбрано? Не мог забыть её взгляда: столько ужаса, страха и отчаянья было в нём. К утру, окончательно измученный, уснул, не видя снов, погрузившись в непроглядную темноту.

Жопокрыла трясло, и тряска всё усиливалась. Ничего не понимая, он пытался напрячь тело так, чтобы унять эту яростную дрожь. Но ничего не получалось.

— Жопокрыл, Жопокрыл! — сквозь сон слышал он своё имя.

Рукохвост всё сильнее тряс сына, пытаясь разбудить.

¹⁹ Некку — мелкое животное, нечто среднее между лягушкой и змеей. Прячется на земле в траве и при опасности жалит длинным язычком, на котором расположены ядовитые железы. У ужаленных возникает аллергическая реакция, выражающаяся в покраснении и опухании ужаленного места, потери способности двигаться и разговаривать. Симптомы ядовитого отравления проходят через несколько часов.

— Просыпайся, Жопокрыл, ну!

Жопокрыл разлепил глаза и непонимающе посмотрел на отца. Ещё несколько секунд понадобилось, чтобы окончательно прийти в себя и сесть на кровати.

— Зачем ты это сделал? — с металлом в голосе произнёс Рукохвост.

— Ты о чём, отец?

— Вся деревня уже знает. Зачем ты её покалечил?

Осознав, о чём идёт речь, Жопокрыл угрюмо ответил:

— Она заслужила.

— Заслужила? Ни один уважающий себя тупи не поступил бы так, что бы она ни сделала. Разве так я тебя воспитывал, разве этому учил? Как ты мог?

— Она изменила! — сорвался на крик Жопокрыл.

Рукохвост присел на кровать и задумался. Через некоторое время он тихо произнёс:

— Я понимаю, как тебе больно, но ты сделал ужасную вещь. Измена — это дело её совести, а ты уподобился укрогу²⁰, в котором живут только злоба и гнев... На суде очищения²¹ я не буду тебя защищать. И не смей называть её воздыхателя, не принижай себя ещё больше.

После этих слов он встал и направился к двери.

— Отец, а что бы сделал ты? — вдогонку крикнул Жопокрыл.

Рукохвост замедлил шаг, оглянувшись на сына. В его глазах читались сожаление и печаль, но, ничего не ответив, он вышел из комнаты.

Жопокрыл был в замешательстве. Оказывается, он совсем не подумал о последствиях. Что же теперь будет? Притянув колени к груди, он обхватил их руками и замер, стараясь прийти в себя от слов отца и страха перед неминуемым наказанием.

* * *

Кисель из фресок, тушёные овощи и лепёшка с морникой остались нетронутыми. Жопокрыл сидел за столом, рядом, негромко всхлипывая, сидела мать, поминутно вставая и смотря в окно. Оба молчали.

Воины не заставили себя долго ждать. И как только они появились на пороге, Жопокрыл встал и молча направился к ним. Векошейка обняла сына и шепнула, чтобы был сильным и ничего не боялся, они с отцом сделают всё, чтобы смягчить наказание. Она не знала ни причины поступка Жопокрыла, ни отношения к этому мужа. И Жопокрыл не стал её осведомлять. Поцеловал мать и пообещал быть стойким.

Дом очищения был полон. Когда Жопокрыла ввели, все взгляды устремились на него. Некоторые смотрели с презрением, некоторые — со злобой, были и такие, во взглядах которых читалось любопытство.

По обычаю, «очистителей» было трое: правитель деревни — неповоротливый Животозуб, один из старейших тупи — Стопоглаз и прорицатель — почтенный Горлолоб. Все трое уже стояли в кругу очищения.

Дом очищения, как и все дома тупи, был круглой формы, а на потолке имелось большое отверстие, чтобы солнечный свет образовывал яркий круг на полу. В этом круге и проводились все слушания, чтобы на свету разбирать тёмные поступки тупи.

Жопокрыл встал в середину круга. Первым начал Животозуб:

— Суд очищения, собравшийся на двадцатый день двух лун, рассматривает преступление Жопокрыла, сына Рукохвоста, который намеренно облил крылья Сисипятки, дочери Кистирота, смолой дерева крамон, вследствие чего она потеряла способность летать.

²⁰ Укроги — злобные существа, приходящие с чёрных земель, давние враги тупи и умни. Страшные и беспощадные.

²¹ Суд очищения — разбирательство по совершённом преступлении, на котором определяется вид наказания.

Присутствующие возмущённо загалдели. Кто-то громко заохал. Животозуб призвал всех успокоиться и продолжил:

— Учитывая тяжесть преступления и жестокость, с которой оно было осуществлено, а также учитывая просьбу уважаемого Кистирота, безмерно страдающего из-за покалеченной дочери, суд намерен назначить наказание — съедение!

— Нет! — выкрикнул кто-то из толпы. Это была Векошейка. Она закрыла лицо руками и тихо заплакала.

Потрясённый Жопокрыл, освещённый ярким светом, почти ничего не различал, только тёмные силуэты тупи. Он не был готов к такому суровому наказанию, не был готов стать бездушным изгоем. Впервые в жизни страх сковал тело так, что Жопокрыл не мог двинуться с места и произнести даже слово. Он просто стоял и с ужасом смотрел на тени вокруг.

— Но прежде, — заговорил Стопоглаз, — нам нужно выслушать все стороны. Тебе слово, Кистирот.

Кистирот, хромая на правую ногу, вошёл в круг и встал рядом со Стопоглазом.

— Моя бедная дочь еле жива от слёз и отчаянья. Её крылья слеплены так, что она постоянно испытывает боль. А что ждет её в дальнейшем? А? Ответь мне, Жопокрыл? Что ждёт её? Всю жизнь прожить, ходя по земле, не иметь возможности улететь при опасности — вот на что ты её обрёк. Ведь она приняла от тебя жёлтую туру, как ты мог поступить так со своей будущей женой, с матерью твоих детей?! — Кистирот кричал, размахивая резной палкой, помогающей ему при ходьбе. — Кто теперь посмотрит на неё? Кто приведёт в свою семью? Мало того что она совсем маленькой осталась без матери, так теперь осталась без крыльев, без счастливой судьбы. — Он весь трясся от негодования. — Если бы я не уважал законов тупи, я бы собственноручно тебя задушил. Но я здесь, и, думаю, очищение будет справедливым.

Толпа зашумела. Кто-то выкрикивал: «Правильно, надо съесть его. Что ещё он может вытворить?» Другие спорили между собой. Кто-то задумчиво молчал.

— Что можешь ты сказать, Жопокрыл? — обратился к обвиняемому Стопоглаз.

Жопокрыл посмотрел на покрасневшее лицо Кистирота и вспомнил Сисипятку, стоящую на коленях. Вспомнил её глаза в ту минуту. Возможно, он всё это заслужил. Жопокрыл перевёл взгляд на Стопоглаза и покачал головой в знак того, что ему нечего сказать.

Тупи зашумели ещё громче.

— Тише, тише! — повышая голос, сказал Стопоглаз. — Кому-то есть ещё что сказать?

— Прошу вас, пощадите сына. — В круг вошла Векошейка. — Он никогда ничего плохого не делал. Был хорошим сыном, и работы не боялся. Правда ведь, Ухорук?

Пробираясь через толпу, в круг вошёл высокий, седовласый Ухорук.

— Жопокрыл, конечно, не самый прилежный работник, как и все в его возрасте, — пробасил управляющий складом, сделал паузу и продолжил: — Но честный и работает не отлынивая. И если обещает, то всегда держит слово. Никогда не замечал в нём хитрости или подлости. Если и преступил закон, то были на это причины. Хотя не ожидал от него такого.

— Вот, слышите, слышите, были причины. Сынок, расскажи, что случилось? Почему так всё? — просила сына Векошейка.

Жопокрыл молчал.

— Рукохвост, Рукохвост, где ты? — звала мужа отчаявшаяся женщина.

Рукохвост вышел мрачный и серьёзный. Он окинул взглядом всех присутствующих в круге и спокойно произнёс:

— Если мой сын виноват, то я приму любое его очищение.

После сказанного развернулся и вышел из круга.

Оторопевшая Векошейка выпучила глаза на удаляющегося мужа и не могла ничего произнести.

Все притихли. Стопоглаз непонимающе развёл руками. Он вывел Векошейку из круга, что-то шепнув ей на ухо.

— Ещё кто-то хочет сказать? — обратился к присутствующим Стопоглаз.

— Она ему изменяла! — выкрикнул кто-то из толпы.

Толпа снова заволновалась.

— Хвостолоб, не смей, не надо! — закричал Жопокрыл.

Но преданный друг уже вошёл в круг и повторил сказанное.

— Она изменяла ему с...

Хвостолоба перебил Жопокрыл:

— Скажешь ещё хоть слово — и мы больше не друзья. — Глаза Жопокрыла налились кровью.

Гул нарастал, слышались смешки, тупи оживлённо обсуждали новое открывшееся обстоятельство.

— Тише, тише! Так, значит, ты утверждаешь, что Сисипятка изменяла Жопокрылу, и знаешь с кем? — спросил Стопоглаз.

— Да, — коротко ответил Хвостолоб.

— Ты можешь назвать её воздыхателя?

Помня о словах друга, Хвостолоб отрицательно мотнул головой.

— Это всё враньё! — закричал взбешённый Кистирот. — Эта троица давно вместе, поэтому и защищают друг друга. Где ещё один — Боконос?

Боконос вышел.

— Постой, Кистирот, не кричи! — перебил его Стопоглаз. — Боконос, ты тоже знаешь, что свершилась измена?

— Да, — уверенно произнёс Боконос.

По толпе волной прокатился удивлённый шёпот.

— Ну что ж, нужно спросить Сисипятку, — задумчиво произнёс Стопоглаз.

— Да это враньё! Как вы можете им верить? Обвинять мою несчастную дочь в таком! Тебе было мало её искалечить, так хочешь ещё и оклеветать. Да чтоб ты провалился к белому Ерохору! — Отец Сисипятки погрозил Жопокрылу своей палкой.

— Пошлите к Сисипятке воина, путь под клятвой бога Туписоба расскажет правду, — распорядился обливающийся потом Животозуб. Солнце было в зените, и жара в круге была невыносимой, ему поскорее хотелось закончить очищение.

Потекли минуты ожидания. Тупи громко разговаривали, были слышны ругательства, некоторые вышли из Дома очищения на воздух.

Стопоглаз и Животозуб подошли к почтеннейшему Горлолобу, который всё так же стоял, ссутулившись, с прикрытыми веками. Двое очистителей что-то говорили почтеннейшему, тот лишь кивал в ответ. Векошейка глазами пыталась найти мужа, но не могла отыскать. Боясь покинуть своё место, будто это как-то может навредить сыну, она стояла и нервно сжимала ладони, не зная, что делать. Кистирот с ненавистью смотрел на Жопокрыла, изредка переводя взгляд на его друзей, стоящих неподалёку. Жопокрыл же думал, что скажет Сисипятка. И что будет, если она не признается?

Воин вернулся, толпа вновь ввалилась в пространство дома. Все заняли свои места.

— Огласи нам, что сказала Сисипятка, воин! — громко произнёс Животозуб.

— Она призналась, измена была. Имя воздыхателя не назвала, — также громко отрапортовал воин.

Толпа ахнула и опять зашумела.

— Это неправда, — неуверенно прошептал потрясённый Кистирот.

— Тише, тише! — успокаивал возмущённых тупи Стопоглаз.

Тем временем к Жопокрылу подошёл Горлолоб и возложил руки ему на голову. Присутствующие затихли. Так стояли старец и Жопокрыл несколько минут. Затем, опустив руки, Горлолоб заговорил:

— Нет в нём тёмной злости, всё, что натворил, — от малодушия и глупости. Мужчиной нужно стать — такое моё слово. — Горлолоб говорил медленно и вкрадчиво. — Висеть ему пятками вверх семь дней и, если выживет, на год к граничным воинам отправиться — вот наше очищение! — закончил почтеннейший.

Никто не осмелился перечить словам прорицателя. И Животозуб торжественно возвестил, что очищение назначено.

6. Мать

После суда очищения над Жопокрылом Векошейка прилетела домой, надеясь застать Рукохвоста, но его не было. Она упустила мужа из виду ещё до оглашения наказания. Мечась по дому, Векошейка чувствовала, как всё холодеет внутри. Её боль и отчаянье не находили выхода.

— Сынок, сынок, мой бедный сынок, — всё повторяла несчастная тупи.

Она вспомнила, как первый раз его увидела. После снятия друма ей подали розовый, сморщенный комочек, с ещё не оперившимися крылышками. Он был таким маленьким, скользким, но тёплым, родным и — её. Тем единственным, кто будет всегда неразрывно связан с ней, тем, кого будет любить, тем, кем она будет гордиться. А что теперь?

Векошейка зашла в комнату сына, села на кровать и зарыдала — протяжно, неистово, во весь голос.

Понемногу успокоившись и придя в себя, она с каким-то благоговеньем убрала комнату Жопокрыла, разложив все вещи по своим местам, разгладила смятое покрывало на кровати и вышла, прикрыв за собой дверь. Спустившись в кухню, начала готовить ужин. Руки мыли, чистили, наливали, помешивали, сама же Векошейка была не здесь. Её мысли были с сыном, которого увели в Дом теней²² и который завтра примет своё очищение.

Рукохвост зашёл бесшумно, ещё с улицы видел, что жена на кухне. Его поникшие крылья и ссутулившаяся спина никак не вязались с обычно прямым и сильным телом самого искусного в Тупилоге кузнеца. Он остановился в дверной арке в кухню, не решаясь зайти. Векошейка заметила какое-то движение и повернулась. Рукохвост опустил глаза, глубоко вздохнул, прошёл вглубь и присел на стул около стола. Его руки заметно дрожали.

— Ты слышал, какое очищение дали твоему сыну? — Векошейка говорила тихо, но твёрдо.

— Да, — отозвался Рукохвост.

— Он не выдержит семь дней. — По щекам Векошейки катились слёзы.

Рукохвост молчал.

— Он не выдержит, понимаешь, не выдержит! — перешла она на крик. — Понимаешь, он умрёт! Наш сын умрёт! — не сдерживая рыдания, кричала тупи.

Сжав кулаки и нервно подёргивая желваками, Рукохвост продолжал молчать.

— Что ты молчишь, ну что ты молчишь? Почему не вступился за него? Что ты за отец?

— Он совершил преступление, — с трудом произнёс Рукохвост.

— Что? — Векошейка покраснела от негодования. — Преступление? Он неопытный мальчик, который ошибся, который просто не знал, что делать. Горячий и необузданный, каким ты был в молодости. Ты что, не помнишь, всё забыл? Что было бы с тобой, если бы...

²² Дом теней — круглая, вытянутая вверх на три метра эллипсообразная постройка, имеющая, кроме двери, ряд небольших отверстий, из которых в помещение пробивается свет таким образом, что заключённый в нём отбрасывает тени.

Рукохвост резко встал, стукнул по столу кулаком, прервав Векошейку. Она вздрогнула от неожиданности.

— Прекрати! То, что было, — дело прошлое. — Он тщательно выговаривал слова. — Мои ошибки — это... — Он замолчал. — В общем, нам остаётся только ждать, может, Туписоб смилостивится и оставит нашего сына в живых.

Векошейка не могла поверить в слова мужа.

— Можешь молиться Туписобу, духам предков — кому угодно. Но я не собираюсь этого делать. Я буду бороться за сына. Кто ты, Рукохвост? Кем ты стал? — Она бросила негодующий взгляд на мужа и вышла из кухни.

Рукохвост опустился на стул. Ему показалось, что грудa железа лежит на плечах и придавливает к земле, даже дышать тяжело. Как же тяжело...

* * *

Всю ночь Векошейка не спала, думала, что можно сделать. Прежде всего утром собиралась полететь к Горлолобу и умолять изменить наказание. Пусть отправят к граничным воинам на всю жизнь, пусть изгонят из деревни на пять, десять лет, пусть сошлют на работы на рудник за рекой — что угодно, лишь бы спасти. А если не выйдет? Если не выйдет, то сама поможет ему сбежать, и путь даже её потом «съедят».

Только под утро Векошейка провалилась в беспокойную дрему. Она видела себя, стоящую на вершущке высокого словобоба и смотревшую вниз, на деревню, где шёл бой. Полчища укрогов, прыгая и издавая злобные крики, рубили направо и налево тупи. Она же пыталась рассмотреть в этом хаосе Жопокpыла, но не могла его найти. Не могла двинуться с места и полететь туда, поэтому стала звать сына, всё громче и громче, всё сильнее и сильнее, так что голос начал срываться. Проснувшись от собственного крика.

Солнце было уже высоко. Векошейка немного полежала, стараясь отогнать давящее чувство безысходности, потом быстро встала, спустилась в кухню, умылась и, выпив кружку воды с добавлением сока скулит, отправилась к дому Горлолоба.

Рукохвост не ночевал дома. Он ложился в гостиную, когда они ссорились, но сегодня постель была не тронута. Векошейку это не сильно задело: она была зла и разочарована в муже, да и главное было сейчас другое.

Не замечая осуждающих взглядов тупи, занимающихся повседневными делами, она быстро летела к нужному месту.

Дом Горлолоба стоял недалеко от реки. Небольшой, в один этаж, он передавался от одного почётного старейшины, когда тот уходил в Одинокый лес, другому, вступившему в права говорящего с духами.

Горлолоб только проснулся, сидел на кровати и потирал колени. Всю ночь они мешали старику крепко уснуть, при каждом движении напоминая о себе глубокой, ноющей болью.

За окном солнце пробивалось сквозь зелёную листву, проблёскивая в просветах. «Хороший день будет!» — мысленно заключил Горлолоб.

Раздался стук в дверь. Удивлённый Горлолоб медленно поднялся, при этом колени натужно скрипнули. Поморщившись, стал натягивать штаны. В дверь стучали уже настойчивей.

— Сейчас! — крикнул старейшина, наспех натягивая верхнюю рубаху. — Что в такую рань-то? Припекло прям, — бормотал себе под нос Горлолоб.

Недовольное лицо старейшины предстало перед Векошейкой, когда открылась дверь. Он внимательно посмотрел на гостью, кивнул головой, приглашая войти.

В доме было душно, пахло травами и старостью. Большой стол, стоящий в почти пустой гостиной, предназначался как раз для посетителей. Каждый тупи вправе прийти к старейшине за советом, а тот должен усадить пришедшего за стол и выслушать. Векошейка в нетерпении

ждала, когда вернётся Горлолоб из кухни, рассматривала красочный узор древесины столешницы.

Горлолоб умылся, вытерся мягким узорчатым полотенцем, налил два стакана сока из морники и вернулся к госте. Присев напротив Векошейки, пододвинул ей стакан, сам же с удовольствием отхлебнул из своего.

— Ну, с чем пришла? — наконец заговорил Горлолоб.

— Мой сын принял сегодня очищение. Я знаю, он заслужил это. — У Векошейки потекли слёзы, она смахнула их рукой и продолжила: — Но, почтеннейший, он не выдержит семь дней. Никто не выдерживал и четырёх.

Горлолоб хмурился.

— Прошу, умоляю, измените очищение! Вы же сами сказали, что нет в нём злобы. Просто он глупый, неопытный мальчишка. Не подумал, что делает. — Она быстро отхлебнула из стакана, не почувствовав вкуса. — Сошлите его к граничным воинам навсегда, работать на рудник — что угодно, только, чтобы он был жив. — И она тихо заплакала, уткнувшись в ладони.

Угрюмый и сосредоточенный Горлолоб слушал внимательно.

— Я лишь проводник, — наконец-то начал старик, — говорю за духов. Не от меня идёт очищение — от них. Я услышал их волю, и не было там слов о смерти. — Он говорил медленно, чётко.

— Он не выживет! — почти крича, произнесла Векошейка.

— Очищение было оглашено, никто не вправе его отменить, — твёрдо сказал Горлолоб. Потом уже мягче продолжил: — Я не видел смерти. Твой сын будет жить. Верь духам.

Векошейка смотрела на старейшину и качала головой. Но Горлолоб был спокоен, он чуть улыбался. Потом взял руки Векошейки в свои и прошептал:

— Верь духам.

Ей так хотелось ему верить, верить духам, но семь дней вверх ногами — это верная смерть.

— Но... но... почтеннейший! — сбиваясь, произнесла она, не зная, что ещё сказать, как убедить.

Старик скрестил руки на груди и посмотрел на женщину пристальным, жёстким взглядом. Она поняла, что Горлолоб не будет собирать совет, чтобы изменить очищение. Говорить было больше не о чем. Векошейка встала и, покачиваясь, пошла к выходу.

7. Наказание

Жопокрыл не мог открыть глаза. Боялся, что налитые кровью глазные яблоки выпадут из глазниц из-за давления. Голова нестерпимо болела, уже горела. Он провисел целый день, и спустившаяся ночь не могла принести хоть какого-нибудь облегчения своей прохладой. Крылья и руки были примотаны к телу, и от долгого висения вниз головой всё затекло и ломило.

— Осторожней, осторожней!

Кто-то подхватил Жопокрыла и медленно стал поворачивать, приводя тело в горизонтальное положение.

— Бон, не так быстро. Медленней. Вот так!

Хвостолоб и Боконос медленно и очень осторожно положили друга на землю. Освободили от давящих верёвок и помогли сесть.

— Жок, ты не торопись, посиди немного, потом походим.

Хвостолоб с таким участием смотрел на друга, что Жопокрыл невольно улыбнулся и подумал, что ему повезло с друзьями.

Боконос присел за спиной страдальца и стал осторожно разминать крылья.

Немного пришедший в себя Жопокрыл произнёс:

— Вас за это по головке не погладят. А где воин-охранник, вы что, его убили? — Он занервничал.

— Не-е-е, — протянул Боконос.

— Да нет. Тебя охраняет племянник Ухорука, а он известный выпивоха. Поэтому ничего стоящего ему и не поручают. Ну Бон невзначай кувшинчик с сихом перед ним выронил. Слово за слово — кувшинчик и опустел, а мы туда дроту²³ добавили. Вот он храпит, под раскилом.

— Если вас увидят... — переживал Жопокрыл.

— Не увидят. Ты, Жок, держись! Мы с Боном всё сделаем, будем прилетать ночью и снимать тебя. А днём держись, думай о чём-нибудь, вспоминай, кричи, только сознание не теряй. Иначе... А теперь давай, поднимайся, нужно кости размять, чтобы кровь пошла по венам. Вот так.

Друзья помогли ослабевшему Жопокрылу подняться на ноги. Затёкшие конечности не слушались, и он то и дело заваливался то на одного друга, то на другого.

— Ничего, Жок, ты у нас крепкий, — подбадривал его Боконос.

Они немного походили, Жопокрыл помахал крыльями, взлететь так и не смог. Друзья принесли ему суп из овощей с добавлением сока скулит²⁴ для поддержания сил. Он съел суп и поинтересовался последними новостями.

— Что сказать? Мать твоя сильно переживает, вот суп приготовила. Хотела с нами прилететь, но мы отговорили.

Жопокрыл одобрительно покивал.

— Сисипятку не видно, она из дома не выходит. Кистирот ходит мрачнее тучи. Глазопупа мать отослала к дядьке на дальние поля. Так что мы его не видели, если появится, изметелим гада.

— Нет, ребята, не нужно. Хватит уже глупостей. Я за свои вешу, не хочу, чтобы и вы здесь висели. Я много думал о том, что сделал, о том, как всё изменилось. Из-за своей глупости многим жизнь испортил. Достаточно уже. — На глазах Жопокрыла навернулись слёзы, но он сдержал их. — Не знаю, выживу ли я. Ведь сами знаете — больше четырёх дней никто не выдерживал. Поэтому пообещайте мне, что Глазопупа не тронете, Сисипятке и моим родителям будете помогать.

Друзья закивали.

— Не волнуйся, Жок, сделаем, как сказал, — тихо ответил за обоих Боконос.

Хвостолоб кивнул. Потом они ещё долго разговаривали. Вспоминали вылазки на дойку, посмеивались над нерешительностью Боконоса в отношении Пальцемочки, обсуждали, как укрепить шалаш, строили планы на ближайший Праздник истинного имени²⁵. Но все разговоры были пропитаны грустью и тревогой. Друзья понимали: семь дней — это очень много.

Жопокрыл ещё несколько раз поднимался, ходил, приседал, один раз смог даже взлететь. Но первые лучи восходящего солнца напомнили друзьям, что пора возвращать Жопокрыла на место пытки. Они аккуратно связали друга, Боконос следил за тем, чтобы верёвки не попадали на прежние места обвязки и ещё больше не натёрли повреждённые места.

* * *

Верёвки врезались всё глубже и глубже, задерживая кровоток, отчего тело онемело и при любом невольном покачивании отзывалось нестерпимой болью. Жопокрыл старался не

²³ Дрот — порошок, сделанный из листьев растения дроток, используется тупи как снотворное.

²⁴ Сок скулит делается из разнообразных трав и действует как тонизирующее и силовосстанавливающее средство.

²⁵ Праздник истинного имени — в это день, раз в год, называли детей тупи. Даже если ребёнок был рождён гораздо раньше, он мог получить имя только в этот день.

зацикливаться на этом, пытался петь, вспоминать прочитанные легенды, сказания. Но голос его звучал всё тише, и к концу вторых суток он только и мог, что стонать от боли.

Друзья подросли вовремя. Жопокрыл начал терять сознание, но почувствовал крепкие руки, подхватившие его, а затем облегчение от снятых пут.

— Вы вовремя, — произнёс Жопокрыл, не узнавая своего голоса. Ему показалась, что говорил не он, а немощный старик.

— Мы всегда вовремя! — улыбнувшись, ответил Хвостолоб.

Но Жопокрыл всё же уловил нотки тревоги в его словах.

— Мы тут, это... кое-что придумали для тебя, — отозвался Боконос, осторожно приподнимая лежавшего уже на земле друга.

— Да, — подхватил Хвостолоб, — Бон одну штуку придумал, чтобы тебе висеть было полегче. — И кивнул в сторону.

Только сейчас Жопокрыл заметил лежавшее слева от него Т-образное приспособление.

— Жок, смотри, вот эта верхняя горизонтальная перекладина пойдёт под шею со спины. Бон даже концы закруглил, чтобы по плечам пришлось. А вертикальная, посередине, будет поддерживать позвоночник. Под рубашку всё спрячем, и видно не будет. Ну, как тебе?

В это время Боконос поил измождённого друга соком скулит.

— Мне бы, это... — вытирая губы тыльной стороной ладони, произнёс Жопокрыл.

— Что? — в один голос спросили Боконос и Хвостолоб.

— Да отлить бы, — чуть улыбнувшись, продолжил Жопокрыл.

Они подняли друга и, поддерживая под руки, почти понесли его к ближайшим кустам. Сам он не мог передвигать ногами.

Воин-сторож мирно посапывал неподалёку, пока друзья бережно растирали одеревеневшее тело Жопокрыла. Он стонал, и слёзы сами собой катились по сухим, обветренным щекам. Все молчали.

* * *

Следующей ночью друзья снимали Жопокрыла уже без сознания. Т-образная конструкция значительно облегчила висение, на плечах уже не было таких глубоких борозд от врезавшейся верёвки и со стороны спины натёртостей было меньше, но всё же Жопокрыл не приходил в себя. Хвостолоб и Боконос так же сосредоточенно и нежно растирали тело друга, пытались вливать в рот сок скулит. Поддерживая с обеих сторон, невысоко взлетали, разговаривали, сообщая последние новости, но Жопокрыл не реагировал.

Удручённые друзья сидели на земле по бокам от лежащего посередине Жопокрыла.

— Бон, нужно что-то делать. — Хвостолоб смахнул накатившую слезу.

— Да, — твёрдо ответил Боконос.

— Надо забирать его отсюда и лететь за виноромовые поля в Одинокий лес²⁶.

— Без подготовки не получится, — сосредоточенно ответил Боконос. — Сегодня вылетим — засекут: на полях охраны полно, сбор сиха в разгаре. Да и в Одинокий лес без оружия опасно соваться, лечебные снадобья нужно достать, сделать какой-нибудь крепёж, чтобы лететь с Жоком было удобно...

— Да, лететь сам не сможет. Ты думаешь, он выдержит ещё один день? — тихо спросил Хвостолоб.

— Не знаю...

— А если спрятать его в нашем месте до завтра?

²⁶ Одинокий лес — дикий лес далеко за виноромовыми полями. Туда уходят старейшины тупи, когда перестают слышать голоса духов.

— Не-е. Начнут искать, все окрестности обшарят, найдут. — Боконос стукну кулаком по колену. — Раньше надо было, раньше...

Оба глубоко вздохнули.

В ночной тишине слышались лишь тихий шёпот листвы и редкие посвистывания ночных птиц. Но вдруг Жопокрыл зашевелился, кашлянул и открыл глаза. Хвостолоб и Боконос припали к нему и, перебивая друг друга, смеясь, затараторили:

— Жок, Жок! Жок, ну ты даёшь! Напугал нас. Ну ты молодец, крепкий!

Жопокрыл переводил непонимающий взгляд то на одного, то на другого и никак не мог ничего понять. Боконос переместился к голове Жопокрыла и стал медленно его приподнимать, тихо приговаривая:

— Ну ты даёшь! Ну ты даёшь, Жок!

Когда тело страдальца приняло сидячее положение, Боконос бережно придерживал его со спины, Хвостолоб стал вливать ему сок скулит.

— Давай, дружище, нужно попить. Надо, надо. Давай ещё глоток. Вот так, вот так. Молодец!

Жопокрыл стал медленно приходить в себя.

— Я думал — всё, — хриплым шёпотом произнёс Жопокрыл. — Чернота накрыла, я уже попрощался со всеми.

— Да ты что, Жок? — Хвостолоб тряс его за плечо. — Ты молодец! Тебе денёк ещё продержаться надо.

— Что?

— Мы с Боном тебя следующей ночью в Одинокый лес заберём. Там искать не будут. Отсидимся, ты сил наберёшься, а потом будем решать, что дальше делать, — быстро говорил возбуждённый Хвостолоб. — Ты не бойся, мы всё продумали. Скажи, Бон?

— Ага! — кивнул Боконос.

— Ты только денёк продержись, только денёк.

— Нет, ребята, не надо, вы из-за меня...

Боконос не дал договорить Жопокрылу.

— Брось, Жок, мы тебя вытащим, — безапелляционно сказал Боконос.

— Вот-вот! Ты бы первым прилетел, если бы с нами что-нибудь случилось. Это мы, бестолковые тупи, раньше ничего не сделали. — Хвостолоб смотрел в глаза другу. — Ты только день потерпи.

— Я ни крыльев, ни тела не чувствую, — тихо проскрипел Жопокрыл. — Боюсь, я не...

— Жок, ты сможешь! Ты всегда был первым и самым выносливым из нас. И сейчас сможешь, — глядя в глаза, внушал Хвостолоб. Потом обнял друга и чуть не заплакал.

Боконос, всё ещё поддерживающий несчастного со спины, сам еле сдерживаясь, показал кулак Хвостолобу, чтобы тот взял себя в руки.

Сумерки рассеивались, Жопокрыл смотрел вслед удаляющимся друзьям. Их сильные крылья взмахивали резко, отрывисто, и с каждым взмахом висящий вверх ногами мученик чувствовал, что тает его надежда выжить. Он знал, до следующего утра не доживёт.

8. Побег

Расставшись с Жопокрылом, Боконос и Хвостолоб прилетели в шалаш. Нужно было составить план действий. Обязанности распределили быстро: Боконос занимается креплением для переноса Жопокрыла, Хвостолоб — лекарствами, оружием, запасами еды и воды.

Хвостолоб улетел добывать всё необходимое. Боконос же снял с баллона с сихом крепкие ремни-лямки, разжал крепления, так что получились длинные полосы. «Хорошо, что инструменты не унёс домой. Вот и пригодились», — подумал Боконос. Он ещё несколько часов тру-

дился над конструкцией. Получилось нечто среднее между люлькой и носилками. Хвостолоб за это время прилетал дважды. В первый раз принёс пару украденных клинокнутов²⁷, во второй — лекарства и еду. Воду решили набрать, когда пролетят виноромовые поля, в ручье, на полпути к Одинокому лесу.

Был уже полдень — нужно показаться в деревне, чтобы никто ничего не заподозрил. Ещё раз всё обсудив, они разлетелись в разные стороны.

Но друзья не знали, что утром, удаляясь от несчастного Жопокрыла, были замечены.

* * *

Медленно паря в предрассветных сумерках, Кистирот задавался вопросом, почему же ему так не везёт. Родители погибли на войне с укрогами. Ему тогда исполнилось всего четырнадцать, пришлось работать. Надеялся, что после женитьбы будет, наконец, счастлив. Но сначала этот несчастный случай с трухлявым словобогом, после которого остался хромым. А потом молодая жена погибла от разряда молнии. Дочь была совсем крохотная. Растил её, лелеял, и опять всё прахом. Чем же прогневил он Туписоба? За что всю жизнь наказывает его?

Он приближался к месту наказания Жопокрыла. Наступали четвёртые сутки очищения, и если этот презренный тупи ещё не умер, то доживает свои последние минуты. Кистирот хотел посмотреть, пусть даже издали, на этого висящего вниз головой негодяя. Убедиться в том, что заслуженное наказание исполняется.

Кистирот приземлился рядом с большим кустом раскилока. Это место было выше небольшой поляны, на которой исполнялись очищения, поэтому она хорошо просматривалась. К тому моменту как Кистирот прилетел на свой наблюдательный пункт, Боконос и Хвостолоб уже подвесили Жопокрыла на место и прощались. Зоркий глаз Кистирота сразу заметил друзей около Жопокрыла. От негодования его затрясло, лицо покраснело, пот выступил на лбу. Первым желанием было — полететь туда и избить наглецов, но он сдержался. Неизвестно, вооружены ли они и что сделали с воином-охранником. Выждав, пока Боконос и Хвостолоб скроются из виду, Кистирот направился к поляне.

Измученный, исхудавший Жопокрыл был уже без сознания. Кистирот заглянул ему в лицо и улыбнулся. Воин, свернувшись калачиком, лежал в нескольких метрах и блаженно посапывал.

— Какого Ерохора ты делаешь? — закричал Кистирот. — А ну, вставай!

Он пытался растолкать воина. Но тот перевернулся на другой бок и продолжал спать. Кистирот почувствовал кисловатый запах сиха.

— Да что же это такое? Где же справедливость? — кричал он.

Затем с размаха ударил воина палкой. Спящий дёрнулся, открыл и снова закрыл глаза.

— Уа-а-а-а! — взревел от ярости Кистирот, бросил злобный взгляд на Жопокрыла и полетел к правителю деревни.

* * *

Животозуб собирался завтракать. Дети ещё спали, но жена уже накрывала на стол. Животозуб наблюдал за быстрыми, умелыми движениями Глазоножки. И в который раз убеждался, что сделал правильный выбор, подарив именно ей жёлтую туру. Ему нравился домашний уют. Хотя дети переворачивали всё с ног на голову, Глазоножка умела быстро навести порядок.

На столе стояли тёплые, ароматные лепёшки с морникой, лёгкий суп из фрески, нарезанные спелые краялони, а Глазоножка дожаривала любимые Животозубом вкуснейшие оладьи

²⁷ Клинокнут — боевое оружие. Состоит из связанных между собой частей, похожих на позвонки. Обматывается вокруг талии воина. В боевом состоянии распрямляется и становится прочным, как клинок.

из серной²⁸. Вся кухня была наполнена волнующими запахами. Хозяин дома больше всего на свете любил эти утренние минуты. Он с удовольствием поднёс первую ложку супа ко рту, но его трапезу прервал громкий стук в дверь. Глазоножка удивлённо посмотрела на мужа. Животозуб опустил ложку в тарелку и с явным недовольством пошёл открывать.

Кистирот ворвался как ураган.

— Что случилось с Тупилогом? — почти кричал возмущённый Кистирот. — Куда делся некогда спокойный и справедливый дом для всех тупи? — не унимался он.

Животозуб удивлённо смотрел, как мечется возле порога Кистирот, и ничего не мог понять.

— Кистирот, успокойся! — Наконец-то правитель деревни пришёл в себя. — И хватит ходить взад-вперёд. Объясни ты толком, что произошло?

— А то, что очищение не святое действо и наказание, а всего лишь фикция! Где же вековые устои тупи, где уважение к предкам? — Лицо Кистирота приобрело багровый оттенок, нижняя губа дрожала.

— О чём ты говоришь, Кистирот? Так, успокойся! Пойдём в гостевую, там мне всё обстоятельно расскажешь. — И хозяин рукой пригласил проходить.

Позавтракать Животозубу так и не удалось. После разговора с Кистиротом они отправились к Горлолобу. По дороге залетели к главному воину. Двое воинов были посланы на охрану Жопокрыла и ещё четверо — на поиски Боконоса и Хвостолоба.

Спустя два часа в Доме очищения перед Горлолобом, Кистиротом и Животозубом стояли Боконос и Хвостолоб, оба со ссадинами на лицах и связанными руками. Четверо крепких воинов стояли позади молодых тупи.

— Ну что, дети белого Ерохора, скоро со своим дружком будете рядом висеть, — брызгал слюной от ярости Кистирот.

— Спокойней, Кистирот, — одёрнул его Животозуб. И обратился уже к Боконосу и Хвостолобу: — Кистирот видел вас сегодня на рассвете около Жопокрыла. Что вы там делали?

Друзья молчали, опустив головы.

— Вы же знаете, когда свершается очищение, никто, кроме воина-охранника, не имеет права там быть. И, по словам Кистирота, воин был пьян до такой степени, что не мог проснуться. Это вы его споили? Отвечайте же!

Хвостолоб вскинул голову, посмотрел на Кистирота и ответил:

— Если никому нельзя находиться на месте очищения, то откуда Кистирот знает, что воин был пьян и спал?

Кистирот пренебрежительно фыркнул, Животозуб вертел головой, не зная, что сказать.

— И Кистирот понесёт наказание, — вступил в разговор Горлолоб, — но вы отвечайте на вопросы. Что делали с Жопокрылом? И споили ли воина-охранника?

Требовательный тон почтеннейшего и его суровый взгляд заставил Хвостолоба и Боконоса вновь виновато опустить головы. Говорящий с духами подошёл к друзьям вплотную и терпеливо ждал.

— Мы хотели помочь Жопокрылу... напоили соком скулит... чтобы... чтобы... — Хвостолоб не смог договорить: ком в горле перехватывал дыхание.

Боконос продолжил:

— Чтобы не умер... И воину мы сих принесли...

— Вот, я же говорил! — Кистирот тряс палкой. — Эта троица одного полёта! Надо было их всех подвесить. Может, они вместе придумали, как мою дочь изуродовать, а...

²⁸ Серная — многолетнее клубненосное травянистое растение. Клубни серной при созревании приобретают рыхлую структуру, и после вскрытия кожицы содержимое напоминает муку крупного помола. Из этого овоща делают хлебные изделия, добавляют в соусы, супы и т. д.

— Довольно, Кистирот! — Горлолоб поднял руку вверх. — Ты и сам не чтишь законы тупи, раз был на месте очищения.

— Да я... я... только из-за... их увидел... — запинаясь, затараторил Кистирот.

— Тихо! — прервал его старик. — Мне нужно поговорить с духами, после оглашу для вас очищение.

Горлолоб отошёл ото всех, прикрыл глаза и замер.

Кистирот подошёл к Животозубу и стал шептать что-то на ухо. Боконос толкнул плечом Хвостолоба в плечо и подмигнул, тот ответил тем же. Воины скучали, переминались с ноги на ногу.

Глубокий вздох вернул почтеннейшего из мира духов.

— Хвостолоб, Боконос! За свои преступления и попираание законов тупи примете пятьдесят ударов по пяткам. Затем до окончания наказания Жопокрыла сидеть вам в Доме теней, чтоб не было соблазна другу помочь. После — два месяца на руднике. Такое очищение вам от духов.

— Но... нет... Жопокрыл к тому времени... Нет! — перебивая друг друга, закричали Хостолоб и Боконос.

— Тихо! — повысил голос Горлолоб.

— Выведите их! — скомандовал Животозуб.

Воины быстро вывели сопротивляющихся и кричащих осуждённых на воздух.

— Ты же, Кистирот, до следующей луны будешь ходить по земле. Крылья твои не смеют отрывать тебя от земли.

— Что? Да как же это можно? Я от боли и так еле ступаю.

— Пусть боль будет напоминанием о том, что законы тупи неприступны. Такова воля духов! — закончил Горлолоб.

Кистирот сделал шаг к почтеннейшему и хотел ещё что-то сказать, но Животозуб его остановил:

— Очищение свершилось, Кистирот. Не о чем больше говорить. Прими его смиренно, как подобает уважаемому тупи.

Кистирот со злобой посмотрел на Горлолоба и поковылял к выходу.

9. Воля

После того как Векошейка ушла, Горлолоб никак не мог успокоиться. «Мать есть мать», — убеждал себя почтеннейший. Он точно слышал голоса духов, говорившие, что Жопокрыл будет жить, но правильно ли понял послание? Для любого тупи, даже самого сильного, семидневное висение — это неминуемая смерть, а что уж говорить о юном Жопокрыле. Хорошо помня слова наставника, что «слышать духов ещё не значит знать их волю», Горлолоб начал сомневаться в верности очищения.

Мысли почтеннейшего прервал воин, возвестивший, что на складе придавило двух тупи. Горлолоб собрал сумку со снадобьями и полетел вслед за воином.

Стойка, поддерживающая площадку, на которой располагались мешки с рудой, надломилась и придавила двух молодых тупи. К моменту, когда Горлолоб прилетел, несчастных вытаскивали. Повреждения были серьёзные. У одного явно сломано крыло, он охал и стонал. Другой потерял сознание и не очнулся даже тогда, когда Горлолоб опрыснул его бодрящим снадобьем.

Три следующих дня Горлолоб не отходил от пострадавших. Примочки, заговоры, мази — всё шло в дело. Собирал травы, готовил целебные настои, просил у духов помощи. И его усилия не были напрасны — больные пошли на поправку. Но радость от выздоровления тупи омрачала неясная тревога.

Накануне ночью перед очищением Хвостолоба и Боконоса Горлолоб увидел сон. Он стоит на берегу Муротки, воды реки спокойны и прозрачны. Солнце светит ярко. Склонившиеся к воде словобогы шумят листвою, и Горлолоб будто слышит их разноголосье. Но вдруг налетает ветер. Солнце закрывают тучи. Вмиг словобогы лишаются листвы и раскачиваются голыми кронами с корявыми ветками. Вода чернеет. Сверху в Муротку кто-то падает. Горлолоб пытается взлететь, чтобы помочь тонущему, но ветер настолько сильный, что невозможно расправить крылья. Из воды появляется голова, и Горлолоб узнаёт Жопокрыла. Волна за волной накрывает молодого тупи, он борется, пытается плыть и, заметив Горлолоба, просит о помощи. Почтеннейший не знает, что делать, нужно помочь... спасти...

Проснувшись, Горлолоб долго сидел на кровати. Толкование снов — умение, проявившееся ещё в раннем детстве. Родители заметили, что маленький Горлолоб часто рассказывал сны и говорил, что произойдёт в ближайшее время. Поэтому его и отдали на обучение к говорящему с духами. Теперь он сам ждёт преемника, которому будет передавать знания. Но это в будущем, а в настоящем — умирающий Жопокрыл. И Горлолоб знает, что нужно делать.

После оглашения очищения для Хвостолоба и Боконоса почтеннейший вернулся к себе, зашёл в кладовую, отыскал нужные снадобья и полетел к месту наказания. Удивлённым воинам, охранявшим Жопокрыла, Горлолоб не дал сказать и слова, провозгласив:

— Мне нужно осмотреть принимающего очищение! Друзья, помогавшие ему, наказаны по всей строгости закона тупи, а я должен определить, не помешали ли они очищению Жопокрыла.

После этих слов почтеннейший указал воинам, чтобы они отошли подальше и не мешали.

Жопокрыл был без сознания, только чуть заметное дыхание выдавало в нём ещё треплющуюся жизнь. Горлолоб повернул висящего лицом к себе, вынул из сумки бутылёк, высыпал на ладонь синий порошок и сдул его в лицо несчастному. Через несколько секунд Жопокрыл открыл глаза. «Вот так, молодец!» — подумал Горлолоб. Затем почтеннейший взмахнул крыльями и медленно начал взлетать, подхватив Жопокрыла. Его старое, с виду шуплое тело было ещё крепким и сильным. Отлетев на несколько метров вверх так, чтобы Жопокрыл оказался в горизонтальном положении, Горлолоб влил ему в рот чёрное снадобье. Убедившись, что тот всё проглотил, старик медленно вернул его в прежнее положение.

— Очищение будет продолжено! — громогласно заявил Горлолоб воинам.

Воины кивнули в ответ и встали по обе стороны рядом с Жопокрылом.

10. Отчаянье

Окровавленные ступни болели, но Хвостолоба и Боконоса заботило не это. В Доме теней, сидя напротив друг друга, они думали о Жопокрыле, который умирал сейчас или уже умер. Почему они раньше не подумали о побеге? Почему именно сегодня утром Кистирот решил посмотреть на место очищения? Почему так легко сдались воинам? Почему, почему? Они молча смотрели на лучи солнца, пробивающиеся в многочисленные отверстия, и мысленно прощались с другом, коря себя за то, что не спасли его...

* * *

В это время узнавшая об очищении Хвостолоба и Боконоса Векошейка летела к почтеннейшему, решив во что бы то ни стало уговорить старика смягчить очищение сына.

Она опустила у двери говорящего с духами и, не раздумывая, постучала. Но дверь не открылась. После нескольких попыток стало ясно: Горлолоба нет дома. Векошейка думала, где же он может быть. У Животозуба, у больных, а может, травы собирает? Присела на небольшую скамью рядом с дверью, не зная куда лететь. Слезы катились по щекам, она не могла их унять. Теперь Хвостолоб и Боконос не смогут помогать Жопокрылу и её бедный сын точно умрёт.

Рукохвост домой не приходит, всё время в кузнице. Она совсем одна. Что же делать? Где Горлолоб, где?

Не в силах больше сидеть и ждать, она взлетела над домом почтеннейшего, огляделась и, не увидев его, полетела к месту очищения. Сама снимет сына, чего бы это ни стоило.

Векошейка летела быстро, ловя ветровые потоки и планируя. Недалеко от места очищения снизилась ближе к деревьям и тут заметила летевшего навстречу Горлолоба. Почтеннейший тоже увидел Векошейку и указал рукой, чтобы та спускалась на землю, куда уже снижался он.

— Почтеннейший, я слышала о друзьях Жопокрыла. — Векошейка приземлилась и подходила к Горлолобу. — И пусть меня тоже накажут или съедят, но я сниму сына.

— Тебе не придётся этого делать. Я позаботился о твоём сыне. Он не страдает. — Горлолоб говорил тихо и спокойно.

— Что? — Глаза Векошейки наполнились слезами — Нет... нет, нет! Что с ним? Что ты... что сделал... с ним? — Она трясла старика за ворот рубахи. — Жопокрыл, сынок... нет...

— Успокойся! — Горлолоб перехватил запястья тупи своими руками и отстранил её от себя. — Послушай меня! Я увел его на сторону теней²⁹.

— Что это значит?

— Это значит, что он перенесёт очищение и останется жив. — Почтеннейший огляделся по сторонам и продолжил: — Смиренно жди окончания очищения и, как только Жопокрыла снимут и принесут домой, дашь ему вот это, — вынул он из сумки маленький бутылёк с прозрачной жидкостью. — А ночью прилетишь ко мне — скажу, что делать дальше.

Векошейка утёрла слёзы и взяла бутылёк.

— Духи хранят Жопокрыла. У твоего сына долгий путь, но и трудный, — вздохнул Горлолоб. — О нашем разговоре никому не рассказывай. А теперь лети домой.

— Спасибо, почтеннейший, спасибо!

— Лети! Не нужно, чтобы нас видели. Лети, Векошейка!

Она поднималась всё выше и выше, сжимая заветный бутылёк в руке.

* * *

Жопокрыл не чувствовал боли. Он очнулся в лесу. Запах сырости и плесени наполнял воздух. Высокие стволы деревьев уходили ввысь, закрывая небосвод, отчего вокруг была полутьма. Жопокрыл не мог понять, где находится. Последнее, что он помнил, — это удаляющихся друзей. Как он оказался здесь и что это за место? Не было слышно ни птиц, ни голосов, деревья не шуршали листвой. Не зная куда идти, Жопокрыл пошёл просто вперёд, надеясь найти дорогу или хоть что-то. Трава была настолько мягкая, что, бесшумно ступая, ноги по щиколотку проваливались в упругую поверхность. По мере продвижения Жопокрыл заметил, что деревья стоят всё ближе друг к другу. И вот уже он протискивается между стволами, карябая крылья шершавой корой. Ещё пара шагов — и снова узкий проход, но на этот раз Жопокрыл почувствовал, что застрял. Не может двинуться ни вперёд, ни назад. Попытался плотнее прижать крылья к телу, втянуть живот, но ничего не помогало. Начало казаться, что деревья приближаются друг к другу, плотнее сжимая его. Становилось трудно дышать. В панике Жопокрыл колотил по стволам руками, звал на помощь, дёргался, пытаясь вырваться. В какой-то момент он сделал ещё попытку — резко вытолкнул себя в сторону, чувствуя, как ломаются кости в грудной клетке, и потерял сознание...

Холодно. Онемевшие пальцы скребли шершавую поверхность. Жопокрыл открыл глаза. Он лежал животом вниз на каменном полу. Тусклый свет становился то ярче, то почти пропадал. Жопокрыл поднялся. Озябшее тело плохо двигалось. Обхватив себя руками, чтобы хоть

²⁹ Сторона теней — небытие, пространство между жизнью и смертью.

как-то согреться, Жопокрыл посмотрел по сторонам. Он стоял посередине квадрата из серых каменных стен — ни дверей, ни окон.

— Эй, кто-нибудь! — крикнул он. — Меня кто-нибудь слышит?

«Слышит, слышит, шит, шит», — повторило эхо. Когда эхо затихло, появился другой звук, еле слышный. Жопокрыл припал к стене, прислушался — ничего. Вернулся на прежнее место и опять услышал этот звук — он как будто опускался сверху. Приглушённый, нечёткий, то ли рыдания, то ли ропот.

— Где я? Что происходит? — опять крикнул он.

Звук становился громче. Жопокрыл понял, что это десятки голосов, звучащих одновременно. Он не мог разобрать слов: слишком много голосов. Многоголосье нарастало. Уши начало ломить от оглушающего гула. Жопокрыл схватился за голову, стараясь прикрыть уши, упал на колени и провалился в темноту...

Тенью следует за тобой,
Туписоба священный дух,
Управляя твоей рукой,
Ограждает от вечных мук...

Песня обволакивала и успокаивала. Голос был знаком, но Жопокрыл никак не мог вспомнить, кто поёт.

За рекой, в свете полных лун,
Ты найдёшь своей жизни путь.
И узнает твой ищущий друм,
В чём же избранного тупи суть.

Жопокрыл ощущал, что он лежит на чём-то твёрдом и его покачивает. Боясь открыть глаза, слушал незнакомый мотив и удивлялся, что как будто знает эту песню, такую мелодичную и родную.

Он всё же решился открыть глаза. Лёжа на дне небольшой лодки, стал всматриваться ввысь, но через густой туман ничего не мог разглядеть. Приподнялся и увидел, что плывёт по широкой реке, очертания берегов теряются в дымке. Вода прозрачная, видно каменистое дно. Он зачерпнул ладонью воду и, поднеся ко рту, сделал глоток. Прохладная, сладковатая влага заполнила рот и потекла внутрь. Как, оказывается, он хотел пить. Зачерпывал и зачерпывал воду ладонью, жадно пил, пока, наконец, жажда не прошла. А лодка всё плыла и плыла неведомо куда, но Жопокрыл не боялся. Был спокоен и рад, что нет больше боли и он просто может лежать и слушать мерное журчание воды и звуки затихающей песни.

11. Возвращение

Жопокрыла принесли вечером седьмого дня. Воины ещё два дня назад заметили, что он перестал дышать, но снимать несчастного до окончания очищения было нельзя.

Векошейка не могла поверить, что этот иссохший, бледный, вытянутый стебелёк с потрёпанными, безвольно висящими крыльями, перья которых потускнели, а кое-где вовсе выпали от стягивающих верёвок, её сын. Воины положили Жопокрыла на кровать и, не глядя на сдерживающую слёзы мать, вышли.

Как только за ними закрылась дверь, Векошейка подбежала к сыну и влила ему в рот снадобье, которое ей дал Горлолоб. Иссиня-серые губы не дрогнули — ни вдоха, ни выдоха. Она погладила его лицо, холодное, с гримасой боли.

— Сынок, родной! Сынок, очнись, вернись ко мне... Прошу... Жопокрыл...

Безжизненное тело оставалось неподвижным. Векошейка всматривалась в лицо сына, пытаясь уловить хоть малейшие признаки жизни. В какой-то момент ей показалось, что это вовсе не её сын, а кто-то другой. Бледный цвет кожи, заострённые черты лица, неподвижные веки и впалые щёки создавали какой-то неестественный, пугающий эффект восковой маски. Векошейка хотела верить, что Горлолоб не обманул, но, смотря сейчас на сына, боялась, что смерть всё же забрала его.

— Нет... Сынок, борись... Ты не можешь... — Слёзы катились по щекам, но она продолжала шептать ему: — Прошу, родной мой, всё будет хорошо... Слышишь?.. Только вернись...

Она укрыла Жопокрыла тёплым одеялом и сидела рядом, гладила, обнимала, рассказывала, какой забавный и непослушный был он в детстве. Говорила и говорила, чтобы не оставаться со своими мыслями наедине.

Очнулась, когда стемнело. Вытерла слёзы, ещё раз взглянула на еле различимые в темноте черты сына и направилась к двери.

* * *

Горлолоб мыл руки. Смотрел, как вода смывает с морщинистых пальцев остатки трав, которые только что перетирал. Когда он успел так постареть? Кажется, совсем недавно молодым тупи пришёл к говорящему с духами Коленоносу, а сейчас...

Почтеннейший был в лесу, собирал травы. Это был лысый, полноватый старик с добродушным лицом. Он никогда не повышал голос, а если хотел, чтобы его внимательней слушали, говорил ещё тише.

— Я призвал тебя, Горлолоб, — начал он, — чтобы ещё раз убедиться, твёрд ли ты в своём решении быть моим учеником. Подойди ко мне.

Молодой Горлолоб подошёл.

— Подними руки, раскрой ладони. Так. А теперь держи, сколько сможешь. — И Коленонос вложил в его ладони комочек кашицеобразной смеси из сине-коричневых трав.

Через пару секунд Горлолоб почувствовал жжение, а ещё через секунду уже не мог сдерживать себя от боли и застонал. Ладони горели так, будто он держал раскалённое железо. Но стоящий рядом Коленонос не испытывал никакого неудобства, хотя все его пальцы были измазаны той же смесью. Не выдержав, Горлолоб встряхнул руки и, упав на колени, стал вытирать ладони о траву.

— Вот так и тупи думают, что их желание истинно, но не могут выдержать даже малую часть преград. Это сбор для заживления ран. Ещё совсем немного, и ты перестал бы чувствовать боль. — Коленонос смотрел на стоящего на коленях Горлолоба. — А тебе как почтеннейшему придётся делать это часто и только руками, чтобы чувствовать плотность и достаточно ли сила жжения. — Он улыбнулся. — Как ладони?

Горлолоб с удивлением посмотрел на ладони: они не только не горели, а были гладкими, затянулись мелкие трещины, исчезли мозоли. Если бы он знал, что эффект длится недолго, то вытерпел бы. Всё бы сделал, чтобы вытерпеть. Со слезами на глазах Горлолоб поднялся с колен, поклонился говорящему с духами и уже взмахнул крыльями, чтобы улететь, но услышал голос Коленоноса:

— Завтра на рассвете прилетишь к Муротке. Знаешь заводь на правом берегу около трёх словобогов?

— Да, почтеннейший, — чуть дрогнувшим голосом ответил Горлолоб.

Только намного позже, почти перед смертью Коленоноса, он спросил, почему же почтеннейший взял его в ученики. И услышал в ответ:

— Ты был слаб, но друм твой был чист. И признание слабости не озлобило, а смирило тебя, как ветер смиряет деревья, клоня их к земле, чтобы потом те распрямились.

Горлолоб давно отмыл руки, но, погружившись в воспоминания, всё ещё держал ладони под прохладной водой, пока стук в дверь не вернул его в реальность.

Он знал кто это. Открыл дверь и сказал:

— Сейчас.

Прошёл вглубь комнаты. Взял сумку со стула и стал складывать стоящие на столе бутылки. Через минуту вышел к ждущей Векошейке:

— Летим!

* * *

Горлолоб никого ещё не уводил на сторону теней, кроме Жопокрыла. Это знание Колононос передал ему, предупредив, что это крайняя мера для спасения тупи. И некоторые, кто возвращаются, сильно меняются или вовсе никогда не приходят в себя. Но это был единственный выход для Жопокрыла.

— Нужно ещё больше света! — командовал Горлолоб. — Неси все лампы, что есть. И воду вскипяти.

Векошейка принесла ещё две лампы, поставила рядом с кроватью. Горлолоб откинул одеяло, снял одежду с Жопокрыла и пристально осматривал тело. Векошейка стояла рядом и не могла смотреть на сына. Её руки дрожали, при каждом вздохе говорящего с духами она вздрагивала, боясь услышать, что её сын умер... А Горлолоб, водя пальцами по холодному телу, еле улавливал энергию жизни. Сможет ли вернуть его? Уж очень далёк Жопокрыл отсюда.

— Векошейка, иди. Не нужно тебе здесь быть. — Горлолоб произнёс эти слова как можно мягче. — Я сам... Принесёшь воды, как вскипит... Иди, милая...

Векошейка вышла. Пришла на кухню, села на стул и заплакала.

Почтеннейший приоткрыл веки Жопокрыла: налитые кровью глазные яблоки закатились. Он влил немного снадобья в каждый глаз. Затем сделал несколько надрезов на лбу, висках и под глазами. Кровь почти не текла. Плохой знак. Смешал несколько травяных настоев, влил в рот Жопокрылу и стал ждать.

Векошейка принесла горячую воду в небольшом тазике и кувшин с холодной водой.

А в состоянии Жопокрыла всё так же не было никаких изменений. Горлолоб не позволил матери остаться и помогать ему. Он и сам теперь не был уверен, есть ли надежда. Но тщательно и не торопясь делал всё, что нужно: протёр всё тело больного, омыл раны и смазал заживляющей мазью, перья крыльев распрямил, повырывал сломанные и слежавшиеся, затем смочил мягким маслом, а участки без перьев замазал восстанавливающей мазью. После стал растирать тело настоем из огненных трав, чтобы разогнать кровь и заставить кожу дышать. Горлолоб вспотел, покраснелся, руки горели, но, кряхтя и вздыхая, он продолжал массировать тело Жопокрыла.

Так продолжалось несколько часов, пока уставший и уже отчаявшийся старик не почувствовал под руками слабое движение. Горлолоб замер, его руки остановились на груди Жопокрыла. И вот... ещё одно... ещё... да! Дышит! Обессиленный почтеннейший осел на кровать рядом с больным и воздал хвалу великому Туписобу за спасение юного тупи.

Ещё неделю Жопокрыл не приходил в сознание. И всё это время Горлолоб и Векошейка не отходили от него. Несколько раз приходил Рукохвост справиться о сыне, предложить помощь, но Векошейка его даже на порог не пускала. Хвостолоб и Боконос на руднике, узнав, что друг жив, закричали так, что напуганные охранники прибежали разнимать драчунов, а те прыгали, подлетали, обнимали друг друга, радуясь и смеясь: «Он живой, живой!»

12. Праздник

Жопокрыл открыл глаза. Солнце садилось, бросая ядовито-красные лучи на стены, или просто воспалённые глаза так воспринимали свет. Хотелось пить. С большим усилием Жопокрыл не позвал, а выдохнул краткое «ма!»

Векошейка сидела рядом в кресле и штопала износившуюся куртку сына.

— Что, милый? Я здесь, — подскочила она. — Очнулся, мой хороший! Слава Туписобу! — Она гладила его по лицу и улыбалась сквозь слёзы.

— Пи... — только и смог произнести Жопокрыл.

— Сейчас, сейчас. Вот, пей! — Она поднесла к губам сына кружку с водой. — Вот так, хорошо, молодец, сынок мой...

Слёзы катились по её щекам. И Векошейка их не сдерживала.

С тех пор Жопокрыл всё чаще стал приходить в себя. В основном делал несколько глотков воды с добавлением настоев Горлолоба и опять уходил в небытие. Несколько раз матери всё же удалось влить ему пару ложек супа с соком скулит. Почтеннейший наведывался каждый день, принося мази, настойки и порошки. Векошейка тщательно следовала всем указаниям старика.

Пока Жопокрыл понемногу восстанавливался, вся деревня готовилась к Празднику истинного имени.

Домá, в которых в этот год был рождён ребёнок, украшались цветами и красно-жёлтыми тканями. Красный символизировал кровь, рождение новой жизни, а жёлтый — свет солнца, дающий жизнь и освещающий её. Готовили много еды. После инициации соседи ходили друг к другу в гости, поздравляя родителей и обсуждая данные имена. Тупи не могли называть детей сами, это делал говорящий с духами один раз в год — в последний день сбора основного урожая. И даже если ребёнок был рождён в начале года, ему давали имя только в Праздник истинного имени», а в семье до этого момента его называли «маленький», «сладкий» или ещё как-нибудь. Этот день для каждого тупи считался днём рождения. Родители с самого утра готовили детей к празднику: купали, пудрили цветками ожерии³⁰, одевали в красивые, широкие, сшитые специально к этому дню распашонки.

И вот этот день пришёл. Ближе к полудню родители с младенцами на руках и остальные тупи стекались к дому Горлолоба. Перед домом почтеннейшего сделали большой помост с красно-жёлтым куполом. На помосте в большом резном кресле для важных церемоний, вырубленном из древнего ствола словобоба, сидел говорящий с духами. Рядом за маленьким столиком располагался записывающий имя. Он выбирался заранее, и в этом году эта честь выпала Ухоруку. Он был так горд, что всегда сдержанный и немногословный сегодня улыбался и болтал со всяким, кто к нему обращался.

«Большая книга имён» была открыта, Ухорук взял в руку кисть и обмакнул в красные чернила, а Горлолоб провозгласил:

— Великий Туписоб благословил этот день, и тысячи дней до этого, и тысячи после! Сегодня придут в этот мир названные тупи и встанут со своими предками и потомками в один ряд. Каждый, кто будет назван и записан сегодня, зазвучит не только для нас, но и для своего друма,

чтобы на жизненном пути не потерять его, ибо без друма тупи ничто, лишь сосуд с молчанием пустоты.

Толпа зашумела и одобрительно закивала.

— Начнём же, воздав хвалу Туписобу! — Горлолоб склонил голову и сомкнул веки.

Через несколько секунд открыл глаза, поклонился всем присутствующим и, отступив несколько шагов назад, сел в кресло.

³⁰ Цветок ожерии — голубой цветок, напоминающий лилию, но внутри имеющий мягкую круглую подушечку с большим количеством пыльцы. Её используют как присыпку для малышей. Пыльца имеет тонкий, приятный аромат, обеззараживает и помогает от опрелостей.

На помост вступила первая пара с младенцем на руках. Сначала отец подал Горлолобу шкатулку. Открыв её, почтеннейший вынул друм. Внимательно его осмотрел, нет ли червоточин, плесени, понюхал и, удовлетворённый, положил на место. Закрыв шкатулку и отдал отцу. Затем мать поднесла младенца. Горлолоб взял маленького тупи, положил на колени и, прикрыв веки, стал прислушиваться к духам, при этом не прекращая ощупывать и гладить малыша. Вдруг руки старика остановились, и он произнёс:

— Спина.

Первая часть имени была внесена в книгу.

Когда руки Горлолоба остановились второй раз, в «Большую книгу имён» было записано «Глаз». После этого Ухорук встал и громко назвал полное имя:

— И имя этого тупи — Спиноглаз!

Толпа взорвалась криками и хвалами Туписобу.

Так в этот день были названы девятнадцать малышей.

После церемонии тупи ещё долго не расходились, поздравляли друг друга, обсуждали имена, смеялись, подшучивали над не очень благозвучными сочетаниями. Но никто не обижался, все были рады празднику и тому, что их дети обрели имена, а значит, и судьбу.

Как только имя последнего тупи было объявлено, Горлолоб поздравил всех названных и ушёл к себе. Он очень устал, силы были уже не те, да и общение с духами изматывало. Выпив стакан воды, старик прилёг на кровать и вспомнил свою первую церемонию. Коленонос был уже болен и не мог её проводить. Горлолоб сильно волновался. Именно тогда он назвал Жопокрыла и Сисипятку. Когда принесли первого — вёрткого и орущего тупи, он никак не хотел лежать на коленях. Пытаясь хоть как-то усмирить непоседу и сосредоточиться на слушании духов, Горлолоб легонько шлёпнул младенца, не осознавая, что произнёс вслух то самое место, по которому ударил. Испугавшись, он быстро произнёс: «Крыло». Но писарь был очень внимателен и, не мало удивившись, огласил имя — Жопокрыл. Горлолоб до сих пор помнил замешательство среди тупи, их удивлённые вздохи. Он взял себя в руки, сосредоточился и следующих двух младенцев назвал вполне благозвучно. Затем ему подали прекрасную малышку. И тут опять что-то произошло: то ли оттого, что Горлолоб был тогда влюблён, то ли от опять возникшего волнения случилась «Сисипятка». Долго ещё потом корил себя за данные имена и боялся, что изменил предначертанную судьбу для этих тупи своим волнением, но ничего сделать уже не мог.

И его опасения не были беспочвенными. Сколько раз Жопокрыл слышал обидное пренебрежение в словах взрослых по поводу своего имени, сколько раз дрался, когда сверстники начинали дразнить. Именно тогда он научился защищать себя и своих друзей, ведь Сисипятке тоже доставалось, и он взял на себя роль её защитника. И Горлолоб всё это знал.

А на другой стороне деревни, лёжа в кровати и слушая, как весёлые, подвыпившие тупи ходят по улице, громко разговаривают и смеются, Жопокрыл вспоминал, что всегда не любил этот праздник. Злился на почтеннейшего и судьбу за такое ужасное имя. Но сегодня ему было хорошо, спокойно и даже радостно, ведь это начало, это жизнь, и жизнь продолжается.

13. Восстановление

Только через три недели после того, как его принесли домой, измученное тело немного начало подчиняться Жопокрылу. Он уже мог приподниматься в постели, поднимать голову, руки, но ноги пока не слушались. Горлолоб обнаружил ещё переломы двух рёбер и нижней части правого крыла. Бандаж на крыле и туго перевязанный торс тоже причиняли немало неудобств и боли. Хотя рядом всегда кто-то был для помощи, Жопокрыл всё же с трудом переносил слабость тела.

Рукохвост наперекор Векошейке стал приходить каждый день — утром и вечером, помогал омыwać, переворачивать, растирать, кормить сына. Затем, посоветовавшись с Горлолобом, начал приподнимать, садить его, аккуратно спускать с постели распухшие ноги. Этих манипуляций Жопокрыл боялся. Он чувствовал, будто сотни раскалённых игл пронизывают его с ног до головы. Стонал, из глаз катились слёзы, и через пять минут просил отца помочь лечь, не в силах больше терпеть.

Ночью, когда родители уходили, лёжа в темноте, спрашивал себя: зачем остался в живых? Зачем испытывать эти мучения, ведь прежним он уже не будет. Тем беззаботным тупи, который веселился с друзьями, летал на дойку, кричал скабрёзные стишки после выпитого сиха, наслаждался ветром в полёте, любил... Кто он теперь? Тщедушный калека, подлец, лишивший Сисипятку крыльев. Стоит ли вообще жить? Он вспоминал реку, по которой плыл там, за пределами этого мира, и хотел вернуться туда. В тот покой, лёгкость, в ту безмятежную туманную мглу, где нет этой тяжести жизни.

В один из дней, когда солнце заволокло тяжёлыми тучами и стало темно, как будто наступил вечер, Жопокрыл кричал от боли и умолял отца не мучить его. Но Рукохвост, не слушая сына, поддерживал его под мышками и заставлял передвигать ногами, повторяя, как заклинание: «Ты сможешь! Сможешь! Давай!» В какой-то момент вконец измученный Жопокрыл почувствовал мягкость постели и затих, негромко постанывая. Вспотевший Рукохвост вытирал пот со лба и лица полотенцем. Он присел у изголовья кровати сына и задумался.

— Зачем всё это, пап? — Жопокрылу было трудно говорить. Каждое слово отдавалось в теле пульсирующей болью. — Я же никогда не встану...

— Обязательно встанешь, сынок. Не смей сдаваться!

— Хм, — усмехнулся Жопокрыл, — но ты же сдался. Там, на суде... Ушёл и даже слова не сказал в защиту.

Рукохвост глубоко вздохнул.

— Это так. Прости меня, сынок... — Он ещё раз вздохнул, будто собираясь с силами, и продолжил: — Однажды я сделал подлость... И дру... — запнулся он, — и, в общем, не понёс наказание. До сих пор это гложет и не даёт спокойно спать. Я думаю, что если бы получил тогда заслуженное наказание, то был бы свободен от этого. И тогда, на суде, я не хотел, чтобы ты повторил мою ошибку...

В это время Векошейка стояла на лестнице рядом с приоткрытой дверью в комнату сына. У неё в руках был поднос с двумя мисками горячего супа и тарелкой пухнатых булочек, который она чуть не перевернула. Встрепенувшись, Векошейка с шумом открыла плечом дверь и как можно радостней произнесла:

— А вот вам горяченького! Покушайте, я и булочки твои любимые, сынок, испекла. Тоже ещё тёплые.

— Спасибо, мам! — Жопокрыл чуть заметно улыбнулся.

А Векошейка, встретившись глазами с мужем, быстро отвела взгляд. Затем, поставив поднос на ноги сыну, помогла привстать и подложила подушки под спину. Пододвинула миску ближе к Жопокрылу, а вторую передала Рукохвосту.

— Спасибо, — сдержанно отозвался тот.

Она присела на стул рядом с кроватью и наблюдала, как её любимые тупи едят, довольно причмокивая, и впервые за долгое время ей было спокойно. Она улыбалась.

* * *

В тот день, когда Жопокрыл смог несколько секунд самостоятельно стоять и даже сделал пару шагов, Векошейка с Рукохвостом так радовались, будто это были его первые шаги в жизни.

С каждым днём ноги крепили, и он уже мог обойти комнату. Горлолоб, проводывавший больного, одобрительно кивал, смотря, как медленно, шоркая по полу, двигался Жопокрыл. Вскоре разрешил ему выходить на улицу, гулять, пробовать крылья.

Сначала прогулки ограничивались обходом вокруг дома и долгим отдыхом после этого. Но постепенно тело крепло, и Жопокрыл отходил всё дальше, а вскоре мог уже добраться до леса, где подолгу сидел на берегу Муротки и смотрел на течение. В такие минуты он представлял, что плывёт вместе с рекой и уносится всё дальше отсюда, от того, что было.

Ему стало нравиться одиночество. Друзья были на руднике. И хоть давали о себе знать, передавая записки через возвращавшихся на побывку тупи, в которых поддерживали Жопокрыла и заверяли, что как только закончится очищение и они вернутся, то всё будет ещё веселей и круче, чем было. Он был рад весточкам, но не верил в такое будущее. Уж слишком всё изменилось и изменился он сам.

Крылья ещё не держали, но Жопокрыл мог немного отрываться от земли, делая несколько взмахов.

В один из дней, когда Жопокрыл уже выходил из леса после тренировок, уставший и всё такой же потерянный, он заметил Сисипятку. Она тоже вышла из леса чуть поодаль от него, направляясь в деревню. От неожиданности Сисипятка замерла и выронила корзинку с корешками-луковицами ризмы³¹. Жопокрыл тоже застыл, не зная, что делать. Несколько секунд они смотрели друг на друга. Потом Сисипятка присела и стала собирать обратно в корзину рассыпанные корешки. Её крылья были сложены, но была какая-то неестественность и кривизна в их расположении. Жопокрыл подошёл ближе, подобрал далеко откатившуюся луковицу и протянул уже вставшей Сисипятке. Она молча приподняла корзинку. Взгляд её упал на худую, бледную руку Жопокрыла. Она только сейчас осознала, что замешательство, которое испытала вначале, было не от неожиданности встречи, а скорее от вида Жопокрыла. Эти ввалившиеся глаза, с тёмными кругами вокруг, заострившиеся черты лица, почти белая, прозрачная кожа с проглядывающими венами на руках и шее, худоба и измождённость всей его фигуры поразили Сисипятку. Неужели это тот тупи, который приковывал взгляды её завистливых подружек — высокий, атлетичный, с сильными, иссиня-чёрными крыльями, горящими глазами и чуть ироничной улыбкой? Где же он теперь? На неё смотрела тень того, кто был так дорог когда-то.

— Я... Сисипятка... ты... — никак не мог подобрать слова Жопокрыл, — ты... прости... прости, пожалуйста.

Она молчала.

— Я много думал... Ты не должна прощать... Да, это нельзя простить, я сам... сам всё... — Его трясло.

Она подошла ближе, взяла его за руку и сказала:

— Я рада, что ты жив.

Его глаза наполнились слезами. Сисипятка кивнула и пошла к деревне.

* * *

Долгие два месяца выздоровления дались нелегко. Жопокрыл всё ещё быстро уставал, но решил, что пора отправляться к граничным воинам. Встреча с Сисипяткой, осуждающие и в то же время жалеющие взгляды тупи, отсутствие друзей — всё это гнало Жопокрыла из дома. Он чувствовал, что лишний здесь и лишённый чего-то самого главного, глубинного. Сможет ли он когда-то прийти в себя или опять почувствовать эту наполненность внутри, не знал, но и оставаться дома больше не мог.

³¹ Ризма — однолетнее растение, корни которого похожи на луковицы. Имеют ярко-красный цвет и кисло-сладкий вкус. Их едят как сырыми, так и высушивают, чтобы добавлять в горячие напитки.

Векошейка собирала вещи сына. Рукохвост сидел с Жопокрылом на скамейке перед домом и серьёзно о чём-то с ним говорил. Векошейка видела их через окно кухни. Она чуть слышно всхлипывала в ответ на свои тревожные мысли и вытирала тыльной стороной ладони катившиеся по щекам слёзы. Сверху на уложенные в вещевой мешок вещи она положила мешочек с сушёными краями, несколько кусочков пирога с морникой, бутылёк с соком скулит и ещё два пузырька с мазями от Горлолоба. И теперь, завязывая края мешка, еле сдерживалась, чтобы не разрыдаться.

Прощание было сдержанным и неловким. Жопокрыл не знал, что сказать. Он не умер после семидневного висения, так что год у граничных воинов — это вообще пустяки, но всё же первый раз покидать дом на столь долгий срок было непривычно и странно. Векошейка подала сыну мешок и крепко обняла на прощание, шепнув на ухо, чтобы себя берёг. Рукохвост обнимал молча, потом немного отстранил от себя, посмотрел в глаза, кивнул и произнёс:

— Лети, сынок!

Жопокрыл удалялся от родной деревни и чувствовал, как всё внутри сжимается. Он не знал, что его ждёт дальше, но не боялся, а просто улета́л от жизни, которая была уже не его.

14. Ссылка

— Ей, слабокрылый, какого Ерохора ты тут делаешь?

Жопокрыл, запрокинув голову, посмотрел на граничного воина, парящего в трёх метрах над ним.

— У меня очищение на год к вам.

Воин опустился к сидящему на траве Жопокрылу.

— Чё натворил?

— Неважно, — тихо ответил Жопокрыл.

— Неважно, как тебя первый раз в полёте встречный ветер крутанул, а чё сделал — важно. Нам год с тобой границу охранять, доверие нужно. А то ты, может, своих подставляешь или...

Жопокрыл его прервал:

— Слушай, ты чего привязался? К старшему воину проводи, он разбираться будет, не ты.

Дорога была изнурительной, хоть Жопокрыл несколько раз опускался на землю и подолгу отдыхал, всё же чувствовал: тело ещё слабое и крылья не выдерживают долгий полёт. И от этого он злился и на себя, и на долгую дорогу, и на этого болтливого воина, который сейчас его доставал расспросами.

— Старший воин в дальних отрядах на проверке, только завтра прилетит, — недовольно ответил воин. — Ладно, летим в наш стор³², разместим тебя, а завтра Плечеглаз решит, что с тобой делать.

С трудом поднявшись, Жопокрыл закинул мешок на спину и стал медленно подниматься вверх, вслед за воином. Тот, заметив, как новичку трудно лететь, приостановился, подождал.

— Меня Грудоухом зовут, но можно просто Грух.

— Я Жопокрыл, Жок.

У Грудоуха вырвался смешок. Но, посмотрев на серьёзное и злое лицо Жопокрыла, он не стал ничего больше говорить.

Так, в молчании, они долетели до стора. Это был большой дом, расположенный на пяти толстых стволах словобогов, метрах в двадцати от земли. В двух больших комнатах размещались воины, одна комната была оружейной, небольшую комнату занимал старший воин, ещё

³² Стор — пограничная застава. Это большой, вместительный дом на дереве, прикрытый ветками и растительностью, чтобы не был замечен.

в одной располагались душевая и прачечная. На веранде под навесом стоял большой стол со скамьями по обе стороны, на стене висела кухонная утварь, на полках — стаканы, кувшины, банки с маслом и приправами. Печка с двумя конфорками на толстой глиняной подстилке располагалась тут же. На лавке возле стены стояли кастрюли, ковшики, несколько сковородок, сито. Рядом с лавкой — толстопузая кадка с водой и небольшая поленница.

После быстрой экскурсии, устроенной Грудоухом, Жопокрыл бросил мешок рядом с кроватью, которая на год будет теперь его, присел на неё и глубоко вздохнул.

В комнату вбежал совсем юный тупи, и его живые, восторженные глаза с интересом стали рассматривать Жопокрыла. Он улыбался, и было заметно, что из-за волнения никак не может подобрать слова. Наконец, совладав с собой, произнёс:

— Я тут... я тут еду варю. И... и... я Ротоног. Привет!

— Привет! Жопокрыл. Жок.

— А я тоже... это... Рон! У нас давно пополнения не было. Ты сам попросился или...

Жопокрыл не дал ему договорить:

— Нет, не сам. Слушай, давай потом. Мне отдохнуть надо.

— А, ну да. Ладно. Я, это... хорошо. — Ротоног улыбнулся ещё шире и, моргнув, вышел из комнаты.

Жопокрыл лёг, опустив голову на слишком твёрдую, как ему показалось, подушку и закрыл глаза.

* * *

— Эй, новенький, подъём!

Жопокрыла кто-то больно пихнул в бок.

— Вставай, говорю!

Жопокрыл открыл глаза. Рядом с кроватью стоял высокий, мускулистый тупи со скрещенными руками на груди. На лице воина была усмешка, глаза внимательно следили за тем, как Жопокрыл поднимается и садится на кровати.

— Любитель сладко поспать к нам заявился. — Воин прикрыл глаза, опустил голову, делая вид, как будто уснул и захрапел.

— Отстань от него, Лог. — Грудоух подошёл к воину и оттолкнул его в сторону. — Жок, а ты действительно вставай, можешь умыться, скоро ужин.

Выйдя на веранду, Жопокрыл заметил, что на столе уже расставлены по периметру глубокие тарелки, ложки, в центре — стаканы, рядом с большим, высоким кувшином. Ротоног стоял спиной и что-то помешивал в объёмной кастрюле на печке. Направившись в прачечную, Жопокрыл заметил ещё двух воинов, которые с интересом смотрели на него. Проходя мимо них, он слегка кивнул, они ответили тем же.

Прохладная вода приятно бодрила. Небольшая бочка с краном, служившая умывальником, забавно похрюкивала, выпуская из себя жидкость. Жопокрыл несколько раз набирал в ладони воду, ополаскивал лицо и шею. Тело ныло при каждом движении, казалось, каждая мышца отдавалась болью и тяжестью. Когда же он восстановится и перестанет преодолевать это всё, думал Жопокрыл. Но пока нужно терпеть. И, обтеревшись мягким полотенцем, стиснув сильнее зубы, он наконец вышел на веранду и подошёл к столу, за которым сидели уже все воины.

От тарелок поднимался пар, пахло фресками и пряностями. Воины с удовольствием хлебали суп, переговаривались и тянулись, кто за куском лепёшки с морникой, кто за рулетом с краялони, большие блюда с которыми стояли на середине стола. Жопокрыл присел на свободное место с краю.

— Новенький, ты чего такой хилый? Бледнее и тоще, чем старый ликт³³. — Воин, пихнувший Жопокрыла в кровати, откусил лепёшку и уставился на него, довольно улыбаясь.

— Локтеглаз, перестань! — вступился Грудоух. — Жопокрыл будет год...

Локтеглаз разразился заливистым смехом.

— Его и зовут-то подходяще, откуда вылез...

Жопокрыл вскочил и метнулся на противоположную часть стола, но Грудоух перехватил его, оттесняя от всё так же сидящего Локтеглаза.

— Закрой свой рот, Лог! А ты, Жок, успокойся. Не обращай внимания, он вечно всех задирает.

— А если не закрою, то что? — Локтеглаз злобно усмехнулся.

— А если не закроешь, до завтра будешь в ночной, на восточном склоне. До возвращения Плечеглаза я здесь главный. Так что хватит!

Остальные воины перестали есть и смотрели на них.

— Жок, садись на место и поешь, — примирительно произнёс Грудоух. — А я других представляю.

Жопокрыл, сверля глазами Локтеглаза, медленно пошёл на своё место.

— Это Зубобок, — указал Грудоух на худощавого тупи с весёлыми глазами и вздёрнутым носом.

— Можно просто Зуб. Приветствую! Как добрался? — подмигнул Жопокрылу Зубобок.

— Спасибо, нормально.

— А там дальше — Шеехвост, — кивнул Грудоух на широкоплечего, рыжеволосого тупи с открытым, добрым лицом.

— Добро пожаловать! — произнёс Шеехвост, не прекращая жевать рулет.

Жопокрыл кивнул в ответ.

— Ну Ротонога ты знаешь и Локтеглаза тоже уже. — И Грудоух с укором посмотрел на Локтеглаза, который всё так же ухмылялся, но молчал.

Есть не хотелось, но Жопокрыл всё же взял ложку и проглотил остывший суп. На удивление, он был вкусный — в меру пряный, густой и с приятной остринкой.

— Жок, это... мы рады... что ты к нам... с нами... — Ротоног ёрзал на месте и немного привставал от волнения. — А, это... суп тебе как?

— Очень вкусно, Рон, — улыбнулся Жопокрыл. — Ты молодец! Вкусно!

Ротоног довольно заулыбался.

— Я, это... Ещё подлить тебе? — И юный тупи уже зачерпнул половником порцию супа и тянул руку в сторону Жопокрыла, чтобы тот передал свою тарелку.

— О, Рон, у меня ещё есть. Я, если что, чуть позже, хорошо?

— А, это, ну... да... хорошо, — кивнул Ротоног и сел на место.

— Ты сам-то откуда? — спросил Зубобок, протягивая блюдо с рулетом.

Жопокрыл взял кусочек.

— Из Тупилога.

— О, так это совсем рядом. А мы с Шехом из Тупибора³⁴, Рон — из Тупилеса³⁵, Грух с Логом — из Тупиполя³⁶. Вот теперь полный комплект — из каждой деревни тупи есть, — улыбнулся Зубобок.

— Да, это... точно! — просиял Ротоног.

³³ Ликты — большие птицы в северных землях. Нечто среднее между бакланами и летучими лисицами, без оперения, с перепончатыми крыльями. Имеют светло-серую окраску и очень худое, жилистое тело.

³⁴ Тупибор — деревня на севере.

³⁵ Тупилес — деревня на юге.

³⁶ Тупиполь — на западе.

— Деревни — это хорошо, но сегодня в ночную вы с Локтеглазом заступите, — вступил Грудоух. — Постоите несколько часов, и после заката ты, Зуб, — на дальний край, а Лог — к озеру на пост. И воды с собой не забудьте взять, надо запасы на постах пополнить. Понятно?

Оба кивнули.

— Рон, ты подготовь всё на завтра к завтраку, должен Плечеглаз вернуться, — продолжал Грудоух. — Жок, вы с Шехом отдыхаете. Я здесь в ночную.

Все согласно закивали.

— И ещё, не забывайте стирать вещи. А то несёт от некоторых, как от кури³⁷. — И Грудоух внимательно посмотрел на Шеехвоста. — Одежда в пятнах, не моетесь, здесь мамочек нет за вами следить. — Он вздохнул. — Ну да ладно. Я сейчас слетаю на восточный склон. А вы, кто не в ночную, после ужина приберитесь здесь.

Грудоух, допив компот, вышел из-за стола, взял клинокнут, висевший на стене, и привычным движением опоясал себя вокруг талии. Подошёл к краю веранды, оглянулся и произнёс:

— И как следует полы помойте.

Затем прыгнул вниз, расправил крылья и, сделав резкий крен влево, быстро полетел, огибая деревья.

После уборки Жопокрыл долго стоял на веранде, облокотившись на перила. Он вглядывался в сгущающиеся сумерки и думал, что же будет дальше. Как выдержать целый год с этими тупи и есть ли смысл вообще жить?

15. Служба

Плечеглаз сидел за столом в своей комнате и внимательно читал письмо, переданное ему Жопокрылом. Животозуб, как правитель деревни, в подробностях описал все события, суд, очищение. Упомянул, что дальнейшее очищение должно тоже проходить как можно строже. Плечеглаз отложил бумагу и задумался. Обычно тупи, прилетавших на службу из ближайших деревень, он отправлял в другой стор, подальше. Чтобы не было соблазна улететь в самоволку домой. Но что делать с Жопокрылом? Он и так пережил семь дней висения вниз головой, удивительно, как только смог? Видно, что ещё слаб и тощий, как палка. Плечеглаз помнил: когда впервые его увидел, тот был сильный, с блеском в глазах, даже немного нагловатый. Сейчас же — поникший, в глазах такая боль и печаль, что даже жаль его. И он сын Рукохвоста и Векошейки. При мысли о родителях Жопокрыла, Плечеглаз вздохнул, встал и заходил по комнате. Ну не может быть у таких тупи сын законченным злодеем, хотя оправдать то, что он сделал, ничем нельзя. Первый раз Плечеглаз не знал, что делать с новичком.

Мысли старшего воина прервал шум за стеной. Выйдя из комнаты, Плечеглаз увидел в дальнем конце веранды сцепившихся Локтеглаза и Жопокрыла.

— Какого Ерохора? А ну, прекратите! — закричал Плечеглаз.

К этому времени Локтеглаз прижал Жопокрыла к перилам, отчего тот перевалился через них и в любой момент мог сорваться вниз. Рядом стоящий Ротоног размахивал кухонным полотенцем и что-то кричал Локтеглазу. Но воин продолжал насаждать на соперника, не обращая внимания на Ротонога.

Плечеглаз подлетел вовремя. Ноги Жопокрыла оторвались от пола веранды и тело почти вывалилось за перила, когда Плечеглаз рванул Локтеглаза на себя. Жопокрыл с грохотом рухнул на пол, кашляя и тяжело дыша. Плечеглаз откинул Локтеглаза в другую сторону, и тот тоже

³⁷ Кури — маленький зверёк, похожий на броненосца, с круглым пушистым телом, при опасности выделяет кислый, тошнотворных запах.

оказался на полу. Ротоног стоял, теребя полотенце в руках, и переводил ошарашенный взгляд то на Жопокрыла, то на Локтеглаза, то на старшего воина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.